

СВЕТ НЕВЕЧЕРНИЙ

Жизнь Александры Феодоровны Романовой, последней Всероссийской Императрицы

И воды всех бушующих морей
Не смогут миро смыть с Помазанника Божия.

Шекспир

Alexandra

Монахиня Нектария (Мак Лиз)

СВЕТ НЕВЕЧЕРНИЙ

Жизнь Александры Феодоровны Романовой, последней Всероссийской Императрицы

Перевод с английского

Российское Отделение
Валаамского Общества Америки
Москва, 1996

A Gathered Radiance

The Life of Alexandra Romanov, Russia's Last Empress

by Nun Nectaria McLees

VALAAM SOCIETY OF AMERICA
1992

Александре Феодоровне

ВВЕДЕНИЕ
АЛЕКСАНДРА ФЕОДОРОВНА РОМАНОВА И ХРИСТИАНСКАЯ МОНАРХИЯ

Если и найдется такой слепец, что не сможет поддаться свежести и благородству ее характера, вразуми его Бог. Вот уже десять лет нет в живых этой женщины: зверски убита в подвале с самыми дорогими ей людьми. Надо ли, чтобы она была очернена по своей смерти лишь потому, что убийство ее было прелюдией к знаменитому расцвету большевизма и чека? Что же до мести - здесь не о мести речь: ни сама она, ни ее муж не имели склонности к подобным вещам. Но справедливость к памяти этой доброй и скромной Семьи должна быть, в конце концов, восстановлена.

Дж.К.Сквайр, 1928[1]

Мрачная тень лжи вот уже несколько десятков лет окружает имя этой женщины. Оклеветанная современниками и потомками, Царица Александра Феодоровна, естественно, привычно воображается как слабая, больная, деспотичная полуистеричка. Но перед теми, кто близко знал ее или хотя бы раз случайно встречался с нею, представала иная женщина: честная и великодушная, женщина, чья любовь принадлежала Богу, подданным, Семье. Обладая большим мужеством (ведь

можно было избежать того мученичества, которое в конце концов настигло ее), она шла, не позволяя себе хоть в малом уклониться от того, с чем были связаны струны ее сердца и души, что было смыслом ее жизни и стало впоследствии основой ее подвига.

Жизнь Александры Феодоровны Романовой, последней Императрицы России и супруги Государя Николая II, пролегла мостом между историческими традициями Христианской Монархии и нашим секуляризованным веком. Пребывая над этой пропастью, она жила в современном мире, душа же и сердце ее принадлежали старинным традициям. До настоящего времени жизнь ее представляется в ложном свете. Даже талантливые писатели не всегда понимали ее окружение и саму суть ее жизни - любовь к Православной Церкви и веру в изначальную справедливость Православной Монархии. Чтобы понять Александру Феодоровну, надо постичь традиционное христианское мировоззрение, и тогда ее жизнь легко раскроется перед нами; без этого почти невозможно относиться к ней справедливо, с должным благопочитанием и по-настоящему увидеть ее образ.

Мы сможем по достоинству оценить жизнь и Царствование Александры Феодоровны как православной Царицы, если постараемся увидеть Монархию так, как видели она и ее супруг. В дальнейшем, если мы будем искать ключ к пониманию того, какое место занимает в истории Династия Романовых, нам придется отбросить западные представления о Монархиях и Империях.

Не так-то легко справиться с предубеждениями. Привыкнув жить в условиях демократического правления, мы смотрим теперь на монархов как на бесчувственных деспотов, для которых все подвластные им - лишь как пешки на шахматной доске. Мы потеряли чувство соразмерности, позволяющее нам видеть

традиционную Монархию как естественное продолжение отношений человека с его Создателем.

Христиане глубоко почитают эти отцовские устои, эту форму правления, и было бы безответственно закрывать на это глаза. Настоящие христианские правители, коль скоро это были честные Цари и Царицы, а не алчные и не неверные властители, понимали, что любой из видов власти над людьми, любое правительство, есть лишь одно из приобретений падшего мира. Первородный грех довлеет над человеком; задача любого правительства - поддерживать справедливость и порядок в обществе до тех пор, пока Второе Пришествие не восстановит человечество в прежнем, безгрешном состоянии. Те, кто хотя бы поверхностно исследовал этот вопрос, поставят Монархию как вид правления на подобающее место: не возвысят более того, что она заслуживает и не очернят до пренебрежения.

В прежние благоприятные времена человек видел в монархическом правлении напоминание о превосходстве Бога и о власти человека над сотворенным миром. Монархия была частью большего целого, идеей, которая самым естественным образом соответствовала иерархической природе сотворенного мира. Демократическое правительство на земле показалось бы этому человеку таким же абсурдом, как понятие о Небе, управляемом парламентом ангелов.

Но все же, мы не совсем растеряли национальную и культурную память, когда Монархия воспринималась частью сотворенного мира. С раннего детства мы естественно воспринимаем слова, которыми начинаются сказки: "В некотором Царстве, в некоторым государстве жил-был добрый Царь".

Монархисты-христиане ищут основание в Византии и в Ветхом Завете по установлению, что Монархия есть богоугодный принцип власти. В некотором смысле, так

и есть, потому что Господь благоволил помазать на Царство Саула - первого Царя Израильского через судью Самуила (I Царств 10, 1).

Однако, если мы будем внимательно читать Книгу Царств, то увидим, что Господь помазал на Царство Царя только по настоятельным просьбам людей к Самуилу помолиться Господу: "**Постави надъ нами Царя, да сѹдитъ ны**"ꙗ (I Царств 8, 5). Господь сказал Самуилу: "**послѹшай гласа людїй, ꙗкоже глаголютъ къ тебѣ, ꙗкѡ не тебе оуничижиша, но Мене оуничижиша, еже не Царствовати Ми надъ ними**" (I Царств 8, 7). Он прямо предупредил их о последствиях: обложение налогами, дань с первых урожаев, принудительный труд, воинская повинность. Но они все просили себе Царя, "**да сѹдитъ ны, ꙗкоже и прочїи ꙗзыки**" (I Царств 8, 5).

Таким образом, нельзя сказать, что Монархия явилась институтом, учрежденным Богом как изначальный принцип высшего блага. Бог явно хотел Сам вести Свой избранный народ через благовестие пророков и судей. Нельзя также отвергать Монархию лишь как устаревшую форму тирании, ведь Бог все же позволил это и даже повелел помазать избранника. Время от времени Бог вмешивается в выбор Царя Израиля. Византийская и средневековая истории свидетельствуют, что десница Господня всегда пребывала на всех Его помазанниках. Те, которые ходили пред Богом и правили справедливо и честно, заслужили звание рабов Господних; те же, которые использовали свое положение для исполнения корыстных замыслов, непременно будут держать ответ перед Ним за свои деяния. Святые Отцы первых веков христианства часто говорили, что жестокие правители - кара Господня во очищение людей за соделанные грехи.

Современному обывателю сейчас трудно воспринять такой образ мышления. Устранив возможность

вмешательства Бога в политические дела, мы все больше надеемся на свои слабые суждения при выборе правителей. При нынешних источниках информации мы не можем предсказать результат нашего выбора надолго вперед, и того менее - последствия этого выбора в жизни вечной. Наши предки думали не об отделении государства от Церкви, а о своих семьях. И даже в плюралистическом обществе выявляется понимание, что не в отделении надо искать спасение от всех бед.

При появлении Византийского христианского государства епископ IV века, историк, духовный наставник Императора Константина Евсевий говорил о взаимосвязи между Царем Небесным и земным:

"Вот так, украсив себя образом Царя Небесного, Константин взирал на Него как на Первообраз, и правил на земле в соответствии с этим". Император "несет на себе образ Вышнего Царствия. Подражая Великому Царю, он пролагает праведный путь на земле".[2]

И как Бог правит на Небе, так Константин правил на земле большей частью цивилизованного мира. Вне Царствия Небесного - темное царство сатаны, а помимо христианской цивилизации есть лишь языческое варварство и хаос или порядок богоборческий.

Когда мы говорим об образе правителя, представляющего Бога на земле, надо очень четко определить понятия, иначе нам грозит опасность принять за истину либо хилиастическую точку зрения - провозглашение рая на земле, либо создание "цезарепапистской автократии", которая правит и Церковью, и государством (такое представление сложилось у тех, кто поверхностно изучал историю Византии; но подобного никогда, на самом деле, не случалось, хотя отдельные правители, несомненно, впадали в различные искушения по этому поводу[3]).

Аналогия отношений Царя со своими подданными как Бога со Своими созданиями должна оставаться лишь

аналогией. Вид, степень послушания созданий Божиих своему Творцу очень далеки от политики отношений между Царем и его подданными, поскольку это уже отношения между самими созданиями Божиими. Лучшая аналогия для земного Царя - это, скорее, отношения отца и семьи. Будучи поставленным главой семьи через таинство венчания, он предстает перед Богом во всей ответственности за благоденствие и правильное поведение своих детей; он не отрицает их свободной воли, но воспитывает их, применяя весь свой авторитет, обучая их, научая примерам из житий угодников Божиих.

Нельзя отождествлять власть Бога и власть Императора, но нельзя и отрицать, что Бог тесно связан со Своим созданием. Это - отношения Бога и человека, а не Бога и гражданина. На Небе нет государств, есть только люди. Душа человека так устроена, что ей хочется иметь великодушного отца на земле, и в этом усматривается Отцовство Бога по отношению к Своим созданиям.

Концепцию идеального христианского государства, как ее представляли византийцы, сформулировали, по крайней мере, частично, епископ Евсевий в IV веке, Император Юстиниан в VI-м и Патриарх Фотий в XI-м. По их общему мнению, задача государства - обеспечить справедливость, мир и порядок в обществе, что даст гражданину большие возможности ко спасению души. Кроме того, задача государства состоит еще и в защите земного института Церкви как сосуда христианской веры. Для многих Императоров защита истинного Христианства и распространение устойчивого идеала христианского государства по всем концам земли было делом первостепенной важности.

Поскольку сейчас мы живем в обществе, в котором есть еще следы двухтысячелетней христианской цивилизации, но которое в то же время низводит христианство

просто до положения одного из многих философских направлений, нам сложно постичь ту объективную силу и ревностное желание, что лежали в основе построения христианского государства в прежние времена.

Одна из причин этого ревностного желания была в том, что само христианство изначально базировалось на новых положениях. Даже обязанности христианина по отношению к ближнему своему изменились до неузнаваемости, перестав быть просто этической нормой человеческого общества, по определению более ранних философов. Сам Христос открыл их миру, ходя среди людей и проповедуя суть Истины.

Две тысячи лет отделяют нас от того времени, когда человек встретился с Господом. Человек был лицом к Лицу со Всеведущим Авторитетом - момент присутствия Бога на земле во плоти, внушающий благоговейный страх. И вот, мы потеряли это чувство в наш обмирщенный, наш самый светский из всех веков. Тогда впервые Бог говорил не через кого-то, а напрямую, открыто с людьми об их естестве, о конце и пути к состоянию блаженства, для которого Он создал их.

Если бы нам удалось сегодня путем осознания мистической реальности, хотя бы отчасти, вместить в себя опыт такого потрясающего первозданного пробуждения от состояния удовлетворения своими надуманными философиями, это отрезвило бы нас как ледяной душ. Тогда мы могли бы, хоть в какой-то мере, понять взгляд Николая II Александровича и Александры Феодоровны на свой монарший долг правителей Империи и носителей христианского Богооткровения.

Вот как освещает этот вопрос сам Император Константин:

"И все эти ссоры и разногласия могли бы восстановить Бога не только против человечества, но и против

меня самого, чьей власти и заботе Его святая воля вручила повелевать на земле. И до тех пор я не смогу ожидать от милостивой воли Всемогущего, чтобы Он послал мне довольство, процветание, счастье, пока не почувствую, что все люди пришли к Православной вере".[4]

Императора помазывают на Царство как самодержавного правителя, а не как часть представительного органа власти. Его должность исключает всякое разделение власти, поскольку она исключает, в конечном счете, всякое разделение ответственности. По словам святителя Иоанна Златоуста, Отца и учителя Церкви IV века, Император имеет мистическую обязанность противостоять злу как видимому, так и невидимому. В своей духовной ответственности он стоит один, "тайна бо оуже дѣется беззаконїа, точїю держай нынѣ дондеже ѿ среды бѹдетъ (ибо тайна беззакония уже в действии, только [не совершится] до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь)" (2 Солун. 2, 7).[5]

И в том, чего византийские христиане искали в отношениях между Церковью и государством, была целостная симфония. В то время как Император имел власть и право, данные ему при венчании на Царство, защищать чистоту веры, выступая на Церковных Соборах, равно как и управлять государством, у него не было решающего голоса в делах Церкви и вероучения - последнее было привилегией епископов. В то же время, моральной обязанностью церковных иерархов было противостоять государственной политике, если она велась против христианских принципов правления или интересов Церкви, но право решающего голоса принадлежало все-таки Императору. История дает нам такие примеры, когда Императоры созывали Церковные Соборы и когда епископы требовали прекращения несправедливой социальной политики.

Как далеки подобные отношения от нашей современной практики разделения Церкви и государства: тогда, в большинстве своем, народ, подобно ветхозаветному Израилю, воспринимался и как Церковь, и как государство. Нам сегодня трудно это понять, мы низвели наши принципы христианского поведения до индивидуального выбора и оставили только жалкие крохи христианских идеалов, чтобы "подкормить" нашу цивилизацию.

Идеал христианского общества сливается с концепцией Императора Константина о Византийской Империи как о Втором Риме: в то время Римская Империя включала в себя все известные государства цивилизованного мира. При падении Константинополя в 1453 году Россия подхватила знамя Православной Империи как наследница, названная Третьим Римом, и она сохраняла положение золотого века Православия вплоть до трагической гибели Российской Монархии.

Для любого право верующего христианина наиболее желаемой формой правления государством является правление, основанное на христианских принципах и Истине. Однако, справедливости ради, спросим, могло ли такое быть в действительности, и как это исторически проследить?

Монархи богоизбранного ветхого Израиля не могли считать свой народ таким же, "как другие народы". У них были цель и миссия, данные им Богом, которыми они не смели пренебрегать. Такую же точку зрения приняли Христианские Монархи последующих веков. Самуил неохотно уступил желанию людей иметь Царя, и он сделал это при одном строжайшем условии: Царь будет выполнять на земле волю Божию. Дальнейшая судьба Израиля показывает, что судьба народа с появлением Царя сильно осложнилась. Самый первый Царь, Саул, почти сразу выказал неповиновение Богу. Второй, Давид, правил более успешно. Блеск его жизни

осветил путь сыновства и суверенности - именно этим путем надеялись идти сыны Израиля. Но свет этот мелькнул и погас. И никто из последователей Давида не смог вновь зажечь огонь таких высоких идеалов. Большинство Царей пали так низко, что их подданные потеряли надежду и окончательно вернулись к раннему убеждению, что Царство Божие может принести Своим людям только Сам Господь.

На этом основании появилась мощная плеяда пророков Божиих. Смерть и Воскресение Господа изменили не только этику, но и все существование мира и народов. С Его пришествием уже управляет новая благодать, которая не зависит от взлетов и падений правительств.*

Многие писатели обвиняли Царя Николая и Царицу Александру в пассивном фатализме, будто бы они верили в то, что нельзя бороться со злом, попущенным Богом. Но это несправедливо: они верили, что воля человеческая свободна и что люди ответственны в этой свободе.

Таким образом, монархисты не могут возлагать свои надежды на Писание Ветхого Завета и пророков сегодня, чтобы оправдать свои претензии на эту Богом данную форму правления. Согласно пророкам, Монархия всегда содержала момент апостасии (богоотступничества) - ведь люди предпочли Монархию непосредственному правлению Бога, а пророки сразу же отвергали

---

*Несомненно, возникает вопрос, почему христиан, наделенных такой благодатью, порою настигала столь плачевная судьба? Согласно христианскому богословию, благодать распространяется на всех, но ее еще надо лично принять в себя, и тогда она подействует на того, кто ее принял. Совершенно очевидно, что многие не приняли благодати и живут не по принципам христианской этики. Свободная воля человека остается с ним до самого Второго Пришествия, пока Христос не придет установить Свое Царство в полноте. И выбор, сделанный нами согласно свободной воле, определит наше место в этом новом Царствии, где воцарятся справедливость и милосердие.

всякого Царя, который не умел жить в минимальной степени праведности.

На примерах Византийской и Российской Христианских Империй, мы можем применять принцип, данный Самим Господом: судить о деревьях по их плодам. Несомненно, бывали истинно благочестивые и великие правители, которые несли доброе своей стране, бывали и начисто лишенные честолюбия, но очень трудно найти тех, чья проницательность и умение править страной соответствовали их намерениям. За редкими исключениями, управлять обществом людей падшего мира - значит почти неизбежно вести войны, быть втянутым в политические интриги, а также наследовать исторические традиции и взгляды, которые могли и не быть христианскими. Кроме того, коллективное сознание нашего нынешнего общества восприняло почти исключительно образы тех, кто обрел печальную известность плохого Правителя.

Исход сугубо плачевный. Даже если мы сомневаемся в правдивости сведений современных историков относительно гнилых плодов Монархии, то обратимся к примерам, подтверждающим это и не вызывающим сомнения - свят. Иоанн Златоуст, св. диакониса Олимпиада, свят. Василий Великий, свят. Григорий Богослов, преп. Максим Исповедник, преп. Максим Грек, священномуч. Филипп, митрополит Московский, свят. Никон, Патриарх Московский, преп. Авель Прорицатель - это лишь немногие, кто может свидетельствовать своей смертью, равно как и жизнью, о несовершенстве христианских Монархов.

Даже верные Церкви, не совсем верно представляющие институт Монархии, ошибаются, если утверждают, что раз уж бывают плохие священники, то бывают и плохие правители. Подлинная природа Церкви не от сего мира - есть мистическое тело Христа и есть временное тело. Человеческое правительство, однако, есть

условие падшего мира - ведь не существует мистического тела Монархии, к которому прибегали бы, чтобы оправдывать плохих правителей. Мы должны мерить успех правления христианского монарха единственной мерой - словами Самого Господа. Он сказал нам: "ѡ плѡдъ ихъ познаете ихъ" (Мф. 7, 16).

Парадоксальна, однако, сама форма богопомазанной Монархии: с одной стороны, она позволяла Самодержцам использовать власть для низменных и эгоистических целей, и, в то же время, устанавливала ступень к святости для тех немногих правителей, чья праведность вела страну к христианским добродетелям. К сожалению, такие периоды были редкими и недолговечными, все почти целиком зависело от благочестия, а также ревности и долголетия Монарха. А поскольку годы их правления не были отмечены ни войнами, ни междоусобицами, то история, как правило, о таких правителях умалчивает. Вот немногие, чьи имена хочется упомянуть: славная святая династия правителей сербских Неманей, св. Венцеслав в Богемии (X век), св. Эдуард-исповедник в Англии (XI век), св. Феодора Константинопольская (IX век) и Стефан Великий в Румынии (XV век), Царь Михаил Феодорович в России (XVII век). Среди лучших русских управителей земных должно назвать и Великую княгиню святую Ольгу, святого благоверного Великого князя Владимира Красное Солнышко, Крестителя Русского, святых благоверных князей Александра Невского и правнука его Димитрия Донского; они, хотя и не были помазаны на Царство, но дали образы благочестивых и праведных правителей.*

Когда Господь говорил, что Его Царствие не от мира сего, Он предвозвещал этим, что никакая форма

*Можно было бы провести интересное исследование по монархиям в Европе, в Ирландии, где королей избирали вплоть до X века; династии как наследная и более привычная для нас форма монархического правления появились в Европе несколько позже.

общества не сможет реализовать добродетели мира иного. Отдельный человек еще может стяжать добродетель через благодать и личный подвиг и возвыситься над природой падшего человечества, но общество - довольно редко, поскольку мы здесь имеем дело с общим уровнем добродетели его граждан. Другими словами, свободная воля отдельного человека - это уязвимое место любого преходящего правительства.

Сколько усилий приходится тратить одной-единственной душе, чтобы стать христианкой: нетрудно увидеть, почему для целого общества, где люди должны взаимодействовать между собой, совершенство требует бесконечно больших усилий. Сам Господь признает это; Он спасает не народы, Он спасает людей, а это и есть основа для философии достоинства и свободы отдельного человека.*

Никакому правительству не удавалось создать настоящее христианское общество - в падшем мире этого никогда не достичь, - поэтому вскоре после возникновения Византийской Христианской Империи многие благочестивые христиане и христианки стали удаляться в пустыню, чтобы вести там богоугодную жизнь.

---

*Хотя права и свободы человека - не самое главное для вечного спасения, они имеют преходящую ценность в мире сем и отражают духовный принцип: Бог создал наши души уникальными и дал нам дар выражать эту уникальность через свободную волю. Права и свободы человека существуют вследствие этого, а без них дух человека подавляется и искажается в нем образ Божий и Его подобие. С христианской точки зрения на страдание, недостаток человеческих прав сам по себе вреда душе не приносит, хотя уныние от бед и притеснений может мешать душе человека готовиться к вечности. Тем не менее, страдание, к которому люди не очень-то стремятся, через тяготы лишений очищает душу и укрепляет добродетель. История свидетельствует, что периоды притеснений и беспорядков порождали героизм и даже святость. Не подлежит сомнению, что и тяжесть физического существования должна быть облегчена, насколько возможно. Господь сказал, что на Страшном Суде нас спросят, накормили ли мы голодного, одели ли нагого, навестили ли больного и узника.

Монашество возникло с учреждением христианского государства.

Если правитель не создавал в стране абсолютного террора, то, признавая коллективную свободу людей, составляющих целое государство, несправедливо обвинять только правящую часть в судьбе народа. Не будет делать этого, по мнению Церкви, и Сам Господь. Но благополучному царствованию компетентного и здравомыслящего правителя может воспрепятствовать тот исторический путь, на который поставили страну предыдущие ее правители или же свободная воля его подданных. Также и отец, каким бы благочестивым и набожным он ни был, не может бесконечно управлять жизнью своих детей. Ведь в таком случае, плохого Царя можно было бы законно низложить, если он попирал облекшие его властью принципы.

Как раз в этом - один из вопросов о царствовании Николая Александровича и Александры Феодоровны, оставшийся без ответа. Много ли могли сделать они, приняв власть в России после того, что сотни лет до них творили в этой стране силы зла? Да и они сами не обладали изначальным опытом пробираться через политические "минные поля". Попытки реформ и самые невинные благожелательные проявления увязли в болоте журналистских искажений фактов и открытой лжи общества, превративших Царскую Чету в глазах многих подданных в бесчувственных деспотов. И разве не ирония, что их документально зафиксированные попытки облегчить судьбу своего народа в нашем падшем мире привели к абсолютной власти тех, кто почти весь мрачный XX век сеял террор и несчастья на территории, равной более чем четверти земного шара?

Противники Монархии указывают на автократию как неизбежный признак монархического строя, и в то же время многие из современных правителей пытаются

получить абсолютную власть во всей полноте, - но ведь христианский Монарх, номинально обладавший такой властью, в реальности ее никогда не имел. Абсолютная власть не может существовать в Христианской Монархии, которая не приемлет вынужденного подчинения Богу, Чья благодать наделила правителя властью, а его подданных свободной волей на благо или на грех. Однако, здесь не столь важно, является ли абсолютная власть теоретической реальностью или нет. Без сомнения, многочисленные проявления жестокости, репрессий и деспотизма, допускаемые теми, кто считал, что их положение дает им привилегии действовать по собственной воле, игнорируя свою ответственность как перед Богом, так и перед подданными, дают повод для торжества антимонархистам. Безжалостный правитель для народа такая же трагедия, что и жестокий отец для своих невинных, запуганных детей, и этому нельзя найти оправдания.

Но имеем ли мы право, только из-за того, что так мало было монархов, преуспевших в святости и безупречности правления (равно как и отцов), отрицать справедливость этой рациональной, естественной и органичной формы общественного строя, признанной подавляющим большинством наших предков? Отрицать - ради чего? Ради представительного правительства, кажущегося нам более справедливым и беспристрастным? Тогда можно спросить, не променяли ли мы главного назначения человека (если мы еще помним, что это такое) на иллюзорную свободу временных гражданских прав?

Теперь у современного мира, жаждущего личной и политической свободы, есть все, кроме утраченной Монархии - особенно христианской. Наш либерализм "освободил" нас от традиционных моральных норм и семейных уз. Наверное, настало время

спросить: а не выплеснули ли мы за борт вместе с тиранами-монархами естественное желание народа иметь своего отца как и в любой семье; ведь любой отец может удовлетворить потребности души человека и народов - и никакие личные свободы, даже полученные в полной мере, не заменят его. Кто знает, может быть, мы, сами того не сознавая, осиротили себя.

В то время как сложный механизм взаимного контроля и уравновешенности представительного правительства задуман так, чтобы урезывать произвольные злоупотребления властью и избавлять людей от бед и кровопролитий от рук тирана, этот же механизм бдительно следит, чтобы во главе народа не стал святой. Выборный процесс не допускает к власти людей, чей широкий кругозор или видение слишком превосходили бы общепринятые нормы. По своей природе выборы уже защищают население от правителя, чьи идеалы справедливости, милосердия и самопожертвования отяготят всех новой ответственностью и христианским образом жизни.

Поскольку все мы упорно верим, что имеем неотъемлемое право жить свободно, без тирании, смею сказать, что многие тайно голосовали бы против правительства, которое хотело бы сделать нас добродетельными за счет нашего же благополучия. Выходит так, что мы свободно выбираем посредственность, поскольку сам характер современного правительства (и, неизбежно, характер человеческой натуры, нисходящей по спирали, если она не стремится активно к Богу) все больше и больше требует от избирателя голосовать сообразно его желаниям и все меньше и меньше - согласно принципам, за которые, возможно, придется чем-то поступиться. Лидеры правительства связаны общественным мнением.

Прогресс цивилизации несет в себе опасность и того, что, по мере стирания национальных границ путем экономического сотрудничества и смешивания культур этнических групп, традиционная функция национального государства - воплощение "души", культуры нации - может скоро выйти из употребления, даже если во главе такого государства будет Монарх. Экономическая взаимозависимость между странами столь сильно соединяет нас, что разрыв связей между ними представляется земному пониманию опустошающим. Для предотвращения этого разрыва сознательно создается этакий фасад добродетели, отражающий "новый мировой порядок". Слабости этого порядка еще не очевидны, но многие уже усматривают в нем зловещие признаки: это устанавливаются подмостки, на которых будут разворачиваться финальные события по пророчествам Книги Откровения.

Сброшены прежние путы коммунизма в России и Восточной Европе.

Лишь тень традиций и простодушной культуры невольно оставил после себя развалившийся коммунистический режим. (Духовная опасность, однако, для обнищавших материально стран сотоит в том, что они пытаются искать приюта за фасадом Западного союза.)

Указывая на недостатки монархии, нельзя забывать, что хотя христианские Империи средних веков не сумели на практике преобразовать мир в устойчивое христианское общество, мы не можем утверждать, что общество не изменилось. Во всех проявлениях жизни чувствуется мощное воздействие христианской веры. Достоинство личности, милосердие к старым, слабым и немощным, признание того, что война, насилие и болезнь есть зло, уважение к собственности и благосостоянию ближнего - все это общественные идеи,

корнями своими уходящие в христианство, они определяют поведение человека по принципам, заповеданным Богом. Те самые идеалы, которые мы так громко провозглашаем "гуманизмом", - это только отблески сверкающего великолепия изначальных христианских добродетелей.

Царство Небесное - конечная цель земного странствия для христианина, и для него менее важен вопрос, победит ли гражданский принцип Монархии или нет; ему скорее важно знать, несет ли в себе христианская цивилизация возможность подготовиться душе человеческой к водворению в справедливом и вечном Царствии Божием.

Прежде чем пала Византия, она тысячу лет несла на себе тяжелый груз почетного права называть себя Царством Православным на земле; это же право еще будет отстаивать Россия; право, которое падшее человечество никогда не сможет полностью реализовать на земле. Но все же это была праведная мечта и благородная попытка, свойственная лишь людям, верившим в искупление и видевшим блистающую славу Воскресшего Господа, людям, которые хотели создать на земле общество, способное прославить Творца Света.

Глава I.
ИЗ ДАРМШТАДТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Когда мы встретились впервые,
мы не могли знать, что любовь-
столь требовательный хозяин.
Роберт Бриджис

Александра Феодоровна чувствовала и глубоко верила, что христианская Монархия является идеалом, и, чтобы его поддерживать, нужно милосердное правление и душевная чистота Монарха. По словам современников, она не считала, что уже само по себе "*noblesse oblige*" ("положение обязывает") является определяющим для сана Императрицы. Сам Господь возложил на нее ответственность за сердце и душу народа. Она должна была провести свой народ через этот временный мир. Основу такого острого сознания собственного долга вложили в нее с самого детства.

25 мая (6 июня) 1872 года* в Дармштадте на юго-западе Германии у принцессы Алисы и принца Луи Гессен-Дармштадтского родилась будущая Императрица Александра Феодоровна Романова. Она была шестою из семерых братьев и сестер, а ее бабушка, королева Виктория, была Царствующей королевой Англии. Будущую Императрицу в крещении нарекли именем Виктория Аликс Елена Луиза Беатриса; в семье ее звали Аликс, но чаще - "солнышко" за добрый и ласковый нрав.

---

*Первая дата - это старинный церковный (Юлианский) календарь, который также использовался русскими как гражданский календарь вплоть до революции. Вторая дата - нынешний гражданский (Григорианский) календарь.

Строгие принципы нравственности и чистоты, которыми отличалась взрослая Аликс, она унаследовала от своей матери. Принцесса Алиса очень любила родную Англию и дала своим детям настоящее английское воспитание в духе простоты и милосердия. Одежда детей была скромна, то же и пища: овсяная каша на завтрак, вареное мясо с картошкой на обед и "бесконечный ряд рисовых пудингов и печеных яблок". Спали на простых солдатских койках. Утром, по викторианскому обычаю, холодные ванны.

Благотворительная деятельность принцессы Алисы и принца Луи была щедрой и хорошо организованной. Принцесса Алиса была замечательной матерью, но, помимо очевидной привязанности к своим семерым детям, она славилась как вдохновительница и добрый гений в работе многих социальных служб своей страны: помогала учреждать больницы, женские благотворительные организации, отделения Красного Креста и женские союзы. Своей матери, королеве Англии, она писала: "назначение жизни - в работе, а не в удовольствиях", и такое же отношение она культивировала в своих детях. Зимой Алиса часто брала детей в дармштадтские больницы и приюты, обучая их с раннего детства доставлять радость другим. Маленькая Аликс часто приносила в больницы цветы от своей матери.[6]

В то время как жизнь детей была полна смысла и полезных дел, им не возбранялись и веселые шумные игры. Они были очень дружны и наслаждались обществом друг друга. По мере того как они росли, Алиса лично следила за их воспитанием, изучая их характеры и направляя согласно индивидуальности каждого.

С самого раннего детства Аликс мать видела в ней "милую, веселую маленькую девочку, всегда смеющуюся, с ямочкой на щеке". Та характерная застенчивость, с которой ей пришлось бороться всю жизнь, рано начала проявляться в ней.

Дома Аликс была ласковая, нежная, с незнакомыми же застенчива, и очень страдала от этого. А когда осенью 1878 года умерла ее мать, эта робость стала еще сильнее. В тот год дифтерия буквально опустошила дворец - она поразила всю семью за исключением старшей сестры Аликс - Эллы. Алиса сама ухаживала за детьми. Целые ночи просиживала она у их кроваток, недели проводила, переходя от одной постели к другой. Несмотря на такой преданный уход, маленькая принцесса Мэй умерла в ноябре, а вслед за ней, через неделю, заболела и умерла сама Алиса.

Позже Аликс скажет, что "это было безоблачное, счастливое детство, постоянный солнечный свет, а потом - огромная туча". Осиротевшая семья с трудом привыкала к новому образу жизни без любимой матери, и, вероятно, с этого времени Аликс стала смотреть на жизнь серьезно, рано познав ее драгоценную хрупкость.

Сначала у Аликс была гувернантка, потом ее воспитанием занялась Анна Текстон, лично знавшая Гете, а затем Маргарет Джексон, высокообразованная и культурная англичанка, которую до конца жизни любили и почитали ученики. Маргарет не устраивало то чопорное формальное образование, которое в те времена считалось нормой, она старалась сформировать моральные качества у своих воспитанников, пробуждала в них интерес к интеллектуальным вопросам, горячо обсуждала с детьми политические и социальные темы текущих событий. Сплетни не разрешались, и Аликс со своими братьями и сестрами учились говорить отвлеченно.

К пятнадцати годам Аликс уже хорошо знала историю, литературу, географию, искусство, естественные науки и математику. По мнению многих, она была блестящей пианисткой. Она знала немецкий, английский, французский, а круг ее чтения по истории и литературе был настолько классическим и серьезным, что "Потерянный рай" Мильтона, который она читала как

внеклассное чтение, был назван одним из ее биографов "легким чтением". Аликс была очень привязана к мисс Джексон, и всю свою жизнь подписывала письма "к своей дорогой Мэгги" - "твоя любящая крошка королева N 3"[7] - прозвище, которое Маргарет дала маленькой Аликс.

Учеба перемежалась с долгожданными поездками в Англию к бабушке и кузенам. Королева Виктория любила внуков всем сердцем, и они отвечали ей пылкой привязанностью.

Впервые Аликс увидела своего будущего супруга на свадьбе старшей сестры Эллы в 1884 году, - та выходила замуж за Великого князя Сергея Александровича, дядю Николая II. Навещая Эллу (Великую княгиню Елизавету Феодоровну), она иногда встречалась с Наследником. В 1889 году Николай окончательно был влюблен в Александру, но о свадьбе еще не могло быть и речи. Ей 17, ему 21: считалось, что они слишком молоды. Родители Николая поначалу не очень одобрительно отнеслись к его выбору: им казалось, что с политической точки зрения он мог бы найти что-нибудь более подходящее, чем несовершеннолетняя немецкая принцесса. И, хотя Николай и Аликс переписывались и посылали друг другу маленькие подарки, они расстались почти на пять лет. Оба они, однако, считали, что эти пять лет упрочили их отношения. Сердце Аликс было занято только Николаем; что до него, то он твердо заявил своему отцу, что женится только на Александре.

Сами они, однако, заговорили о свадьбе лишь весной 1894 года. Огромным препятствием для Аликс была необходимость принять другую веру. Для того, чтобы стать женой правящего Монарха России, ей надо было отказаться от лютеранства и принять Православие.

Как говорят ее современники, политическим и социальным мотивам их брака с Цесаревичем она не придавала большого значения. Самым важным была смена

религии. Для Аликс это было равносильно предательству по отношению к лютеранской церкви, которую она так чистосердечно приняла всего несколько лет назад. Нелегко было ей отказаться от веры, в которой она была воспитана, и эти борения с собою заняли у нее почти два года. Николай тоже очень боялся, что, несмотря на их любовь, он может никогда не добиться Аликс. Его младшая сестра вспоминает тот день, когда он попросил ее зайти с ним в дворцовую церковь: "Он крепко схватил меня за руку, и я всем своим существом поняла, как ему трудно сейчас".[8]

По глубине внутренней борьбы видно, что, несмотря на великую любовь к Николаю, она ни за что не вышла бы за него замуж, если бы почувствовала, что этим она оскорбляет Бога. Ее сестра, Великая княгиня

Елизавета Феодоровна, поддерживала ее, и вот наступило время изучения и духовных поисков, что окончательно развеяло ее сомнения и привело к принятию Православия.

Она - активная по натуре - очень усердно готовилась к браку. Эти приготовления не были ограничены выбором одежды и мебели. Они заключались прежде всего в изучении русского языка и Восточного Православного Учения. Священник и богослов о. Янишев,* наставлявший ее в Православии, отмечал ее необыкновенно острый ум. Он говорил Великой княгине Елизавете Феодоровне, что Принцесса задавала ему такие трудные, глубинные вопросы по богословию, которые он и от самих богословов не слышал, и он, по его собственным словам, "часто чувствовал себя загнанным в угол" и "только царапался как кошка", не находя ответа.[9]

При всей серьезности характера Аликс и ее приверженности к соблюдению принципов, все же это был брак по любви, которая все последующие годы совместной жизни сближала их все больше и больше. После свадьбы Аликс написала в дневник Николаю: "Никогда бы не поверила, что может быть такая полнота счастья в этом мире - такое чувство единения двух смертных существ. Мы не разлучимся более. Наконец-то мы вместе, и наши жизни связаны до конца, а когда эта жизнь кончится, то в другом мире мы встретимся снова, и уже не разлучимся вовеки".[10]

Благословив, наконец, помолвку сына, отец Николая, Царь Александр III, серьезно заболел и не дожил до свадьбы. Аликс срочно вызвали из Дармштадта, она приехала, чтобы на правах будущего члена Семьи присутствовать у смертного одра Императора. Он умер 20 октября (1 ноября) 1894 года; около него при последнем

*О. Янишев был известным преподавателем нравственного богословия Духовной Академии в Санкт-Петербурге.

вздохе были жена и его духовник, о. Иоанн Кронштадтский.

Александр III правил страной только 13 лет, но за это время он приобрел репутацию "твердой руки". Ему досталась в наследство страна, осаждаемая первыми революционными волнениями; он присутствовал при гибели своего отца, убитого бомбой террористов. Известный как Царь-Освободитель, Царь Александр II положил начало реформам, которые должны были дать землю крестьянским общинам, обеспечить большую свободу местному самоуправлению,* независимую систему суда присяжных, а также либерализацию университетов. Он едва успел подписать проект по частичным представительным выборам в правительство - и был убит политическим террористом.[11]

При Александре III повысился уровень жизни и образования. Его дочь, Великая княгиня Ольга Александровна, как-то заметила: "Это был единственный Монарх из всей Династии Романовых, чье правление не было омрачено войной. Он всячески избегал любых осложнений. Недаром его прозвали "Миротворец". Я убеждена, что если бы он и дядя Берти (Эдуард III, король Англии) были живы в 1914, войны бы не было. Кайзер их обоих боялся".[12]

Кажется, Александр III совершил трагическую ошибку. Она касалась самого Николая, и Николай это знал. Его не обучали искусству править государством и, как рассказывает его сестра Ольга Александровна, "он был в отчаянии. Он все время говорил - что же станет со всеми нами, что он совсем не приспособлен к делу правления государством. Уже в то время я инстинктивно сознавала, что их чувствительность и доброта - это

*В то время, как США и многие европейские страны решительно осуждали крепостничество в России, следует отметить интересный факт: отмена крепостничества в России произошла двумя годами раньше отмены рабства в США, к тому же без кровопролитной войны.

качества, которых недостаточно правителю. И все же неготовность Ники, бесспорно, не была его собственной виной. Он был интеллигентным, у него были вера и мужество, но он был абсолютно несведущим в государственных делах. Его воспитывали как солдата. Надо было обучать его править государством, но никто этим не занимался".[13]

Почему Александр III не давал своему наследнику навыков политического правления - остается тайной, которую он унес с собой в могилу, но, возможно, ключ к разгадке в том, что он всегда оберегал личную жизнь своей Семьи от дел государственных. Когда Александр III взошел на Престол, он уже 14 лет был женат. Это случилось после ранней смерти его отца, убитого руками террористов. Может быть, тут дело в его крепком здоровье, и он ожидал, что будет жить и Царствовать долго, и хотел дать своему сыну несколько беззаботных лет жизни, чтобы тот окреп и создал прочную основу семьи, развил в себе характер будущего правителя Империи, пока бремя Царской власти не ляжет на его плечи.

Но вот отца не стало, и Николай становится Царем. Ему подвластны 170 миллионов людей, он унаследовал народ 50 национальностей, говорящий более чем на 200 языках и диалектах. Его Империя занимала шестую часть суши планеты.

Николай остро осознавал свои недостатки, он принял бремя власти с внутренним нежеланием, но с твердой верой в принципы Монархии и своей собственной ответственности как Наследника; он знал, что Господь благословил его на Царство уже тем, что он родился Цесаревичем. Кроме того, Николай Александрович и Александра Феодоровна верили, что Господь поможет им в правлении, если они будут блюсти себя перед Ним, верные в своем долге как христианские правители. Они понимали, что 3500 лет существует священная традиция

помазания на Царство, которая отделила их как избранников Божиих для выполнения этой задачи. Они разделяли опасения многих соотечественников по поводу смены формы правления с монархической на представительное правительство. В России подобное нововведение означало бы катастрофу.

Несомненно, вопрос этот был болезненный как для Николая, так и для Александры, которые четко представляли себе тенденции европейской политической мысли, подтачивающей основы Самодержавия. Из личной переписки и писем их современников, близких к Царской чете, мы узнаем, что они чувствовали себя в ловушке между упорными требованиями конституционалистов и собственной верой в необходимость Монархии в России. Тем более прискорбно это было для них, давших клятву при коронации. Решимость предстоять пред Богом за свой народ делала их ответственными не только политически, но и духовно; они считали, что их спасение зависит от того, насколько достойно они выполнят взятые на себя обязательства.

Неизвестно, насколько глубоко они чувствовали, что без компромисса в области неприкосновенности традиций не обойтись. Много позже Александра часто высказывала озабоченность тем, в каких условиях придется править их сыну, если он примет Престол. Когда Николаю Александровичу пришлось пойти на конституционные и законодательные уступки в 1905 году, он сделал это под нажимом общественности - возможно, в надежде, что Дума - выбранный законодательный орган - будет работать прежде всего консультативно, и, в то же время, удовлетворит жажду создания народного правительства. Вряд ли он сам лично сочувственно относился к подобным переменам, хотя и пошел на них ради стабильности обстановки в стране. Мнение последних российских Монархов (которое, впрочем, может

отличаться от нашего собственного и даже от точки зрения современных им правителей) заключалось в том, что христианский Царь является достойным правителем, только если он хороший человек. Люди теперь мало обращают внимания на частную жизнь политических деятелей, коль скоро они удовлетворяют представлениям об эффективном правительстве. Определяющее значение чести ушло из политики. В то время, как последние Цари признавали, что не каждый хороший человек обязательно должен быть совершенным правителем, (а Николай II глубоко чувствовал свои недостатки как в начале, так и в конце своего правления), они придерживались одного мнения: что моральный банкрот никогда не сможет способствовать процветанию нации, каким бы замечательным политиком он ни оказался.

В последние годы правления, во времена быстрой смены министров и советников, такой взгляд на вещи высмеивали как величайшую политическую наивность. Интересно отметить, - а это признавали даже враги Царской четы - что такого благородства духа, которым обладали Николай Александрович и Александра Феодоровна - едва ли можно найти еще в каком-нибудь правительстве этого падшего мира.

Сразу после смерти Александра III Николай Александрович и Александра Феодоровна оказались втянутыми в водоворот событий: с одной стороны их личное горе, с другой - давление Семьи по поводу устройства государственных дел. Под напором пяти братьев и министров кабинета Николай Александрович был вынужден принять на себя бремя правления Империей.

По их обоюдному желанию и при поддержке родственников, Николай Александрович и Александра Феодоровна поженились менее чем через месяц после смерти Императора. Александра Феодоровна писала сестре: "Можешь представить себе это чувство. Только

что в глубочайшем трауре, оплакиваешь дорогого человека - и вот ты уже в нарядном свадебном платье. Большего контраста нельзя себе представить, но это сблизило нас еще более - если более было возможно. Как мне найти слова, чтобы описать тебе мое счастье - с каждым днем оно все растет, и все больше становится любовь моя. Как смогу я отблагодарить Бога за то, что Он даровал мне такое сокровище? Какой он хороший, родной, любящий, добрый!"[14]

Будучи еще в трауре, молодожены не устраивали свадебных приемов и празднеств. Не было и свадебного путешествия; они уехали жить к матери Николая Александровича в Аничков дворец, где им отвели шесть маленьких комнат. Сохранилось описание внешности Аликс в первые годы ее Царствования. Пишет ее подруга

Анна Вырубова: "Никакая фотография не смогла бы отдать ей должное в полной мере, как не смогла бы передать цвет ее кожи, грациозность движений. Такая она была статная, хрупкая; прекрасно сложена, с изумительно белой шеей и плечами. Ее густые золотистые волосы были так длинны, что покрывали ее всю, если она распускала их. Цвет лица - как у ребенка, розовый, ровный. У Императрицы были огромные темносерые блестящие глаза. Позднее печали и тревоги придали ее глазам ту постоянную меланхоличность, которая стала привычной. А в юности ее глаза сияли живым блеском, и потому в семье ее звали "солнышко". Так почти всегда звал ее и сам Император".[15]

В мае 1896 года в Успенском Соборе в Москве состоялась последняя коронация Императорской четы из непрерывной Династии Романовых. Николай и Аликс (отныне Александра, по имени, данном ей при крещении и воцерковлении в Православной Церкви) официально стали Императором и Императрицей России. Помазание на Царство, пышная служба в Православной Церкви - все это церковная печать "Божественного права Царей" - точнее говоря, можно было назвать это "Божественным долгом Царей", потому что на самом деле это была клятва Императора не только править Россией, но и отвечать за нее перед Богом, защищать людей и их веру. Это станет главным делом всей жизни Николая Александровича. Для христианского Царя это был крест, состоящий из перекладин абсолютной власти и абсолютной ответственности.

Церемония состояла из Божественной литургии и обряда помазания на Царство. Служба длилась пять часов. После того, как Император произнес клятву, даваемую при коронации, он взял венец из рук архиепископа, и, по русскому обычаю, возложил его сначала на

голову себе, а потом, снявши, возложил на голову Императрицы, что означало ее со-правление. Затем Александра Феодоровна сняла венец и надела его на голову мужа, а на нее возложили меньший венец. Великая княгиня Ольга Александровна вспоминает:

"Хотя прошло уже шестьдесят четыре года, память об этом событии особенно священна для меня. Церемония закончилась очень тепло и сердечно. Аликс стала на колени перед Ники. Я никогда не забуду, как бережно он надел ей на голову корону, как нежно поцеловал ее и помог ей подняться. А потом все мы стали по-одному подходить к ним. Я сделала глубокий реверанс, подняла голову и увидела синие глаза Ники, глядевшие на меня с такой любовью, что мое сердце ответно вспыхнуло и до сих пор помню, как горячо я поклялась посвятить себя моей стране и моему Монарху".[16]

Александра Феодоровна тоже была глубоко тронута коронацией. Она писала позднее, что это была их вторая свадьба, свадьба с Россией. Она оставила позади все прошлое и теперь чувствовала себя перед Богом матерью всей России. Святость коронации и надежды, связанные с этим, были, однако, омрачены трагедией, которая была как бы предвестницей грядущих бед.

За коронацией по традиции следовали празднества для народа: на Ходынском поле у городских московских стен устанавливали огромные столы. Тысячи крестьян были приглашены на пышную праздничную трапезу как гости Императора, после чего обычно весь день танцевали и пели на лугу. Царь с Семьей должны были прибыть в полдень для участия в празднике. Ранним утром, еще до рассвета, на Ходынке собрались полмиллиона человек, и, хотя никто не помнит настоящей причины несчастия, люди начали теснить друг друга, продвигаясь вперед - возможно, кто-то пустил слух, что

будут раздавать подарки, и на всех не хватит. Волнения толпы создали дикую панику, тысячи получили увечья, многих задавили насмерть. Полиция была бессильна перед таким скоплением людей.

Николай Александрович и Александра Феодоровна были подавлены. Первое побуждение - отменить бал в честь коронации и уединиться в молитвах, но дядюшки Императора и министры настояли на своем: отмена бала нанесет обиду Франции, которая вложила в предстоящий бал столько средств и сил. России после десятков лет исторической вражды с Францией возрождающийся альянс был очень важен из политических интересов в Европе. Императору сказали, что отмена празднеств была бы с дипломатической точки зрения оскорблением, и что бал в честь коронации нужен для упрочения отношений государств. Николай Александрович неохотно согласился, но и сам он, и Александра Феодоровна, и вся Царская Семья провели целый день в московских больницах, навещая раненых. Государь распорядился, чтобы жертвы Ходынки были похоронены в отдельных гробах за его счет, а не в общей могиле. Он назначил персональные пенсии семьям погибших и покалеченных. Спустя некоторое время Николай Александрович рассказывал, как трудно было им сдерживаться на банкете, как часто приходилось прикладывать к глазам салфетки, чтобы спрятать набегавшие слезы.[17]

"Русские" социалисты, жившие в Швейцарии, накинулись на Императора с жестокой критикой по поводу проведенного бала, обвиняя его в глубоком равнодушии к страданиям своих подданных: Печальная прелюдия к клевете и злословию, которым суждено было омрачить его Царствование.

Глава II.
СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ.

Счастлив тот, у кого такая мать. В его жилах течет кровь благородного отношения к женщине; ему свойственно чувство возвышенного: и, как бы судьба ни обошлась с ним, он сохранит свою душу от тлена.

Теннисон

Александру Феодоровну очень беспокоила ее неопытность. В отличие от своей свекрови, чье вступление на Престол произошло через 14 лет после замужества, ей пришлось сразу стать Императрицей России. Все было новым для нее: традиции Семьи, народ, язык, а тут еще помехой застенчивость выше всякой меры. Но Александра Феодоровна была охвачена искренним желанием быть полезной новой стране и ее людям. Вот что писала ее близкая подруга Анна Вырубова:

"Императрице, пришедшей к нам из маленького немецкого княжества, где каждый, по крайней мере, старался заняться каким-нибудь полезным делом, не по вкусу пришлась праздная и равнодушная атмосфера русского высшего общества. С энтузиазмом принялась она в первые же дни своей власти предпринимать попытки изменить что-нибудь к лучшему. Один из ее первых проектов - организация общества рукодельниц, состоящего из придворных дам и кружков, каждый из членов которого должен был своими руками сшить три платья в год для бедных. Кружок этот, к сожалению,

процветал недолго. Слишком чуждой была идея для нашей почвы. Тем не менее, Императрица настаивала на создании по всей России трудовых домов, мастерских, где могли бы найти работу безработные мужчины и женщины, особенно те несчастные женщины, которые из-за своего нравственного падения потеряли положение в обществе".[18]

Несомненно, такие нововведения не могли приветствоваться при Дворе, где все слишком привыкли к праздному образу жизни, и вторжение иностранки с идеями благотворительности для бедных и пользы обществу вызвало недовольство. Сразу же начались сплетни, Александру Феодоровну невзлюбили, и это продолжалось в течение всего ее Царствования. Великая княгиня Ольга Александровна, сестра Николая II, пишет: "Из всех Романовых ей досталось больше всего злословия. Она вошла в историю такой оклеветанной! Я больше не могу читать всей этой лжи и гнусностей, которые о ней написали. Я вспоминаю, что многие вещи я едва выносила, будучи подростком. При Дворе моей матери считали, что она все делала не так. Помню, однажды у нее была жуткая головная боль; она вышла к обеду бледная, и я слышала, как за столом говорили, что она в плохом настроении, потому что наша мать разговаривала с Ники о каких-то назначениях министров. Даже в самый первый год - я помню это очень хорошо - если Аликс улыбалась, считали насмешкой. Если она выглядела грустной - говорили, что злится".[19]

И хотя среди ее новых родственников и придворных были те, на чью симпатию и понимание Александра отвечала верной дружбой, все же в основном свои чаяния и интересы она делила с людьми не своего класса. Ольга Александровна была, вероятно, одна из немногих, кто знал, какую помощь Императрица оказывала своему мужу в первое время после свадьбы:

"Она была просто совершенство в своем отношении к Ники, особенно в те первые дни, когда на него свалилось столько государственных дел. Ее мужество, несомненно, спасло его. Неудивительно, что он звал ее "солнышко" - ее детским прозвищем. И она оставалась единственным солнечным светом в его далеко небезоблачной жизни. Мы часто пили чай вместе. Я помню, когда он входил - усталый, иногда раздраженный после переполненного аудиенциями дня. И никогда Аликс не сделала или не сказала чего-то неподходящего. Мне нравились ее спокойные движения. Ни разу я не почувствовала, что она тяготится моим присутствием".[20]

В 1895 году родилась первая дочь, Ольга. Александра Феодоровна, очутившись перед натиском все возрастающего непонимания и неприязни Двора, полностью ушла в семейную жизнь и дела милосердия. Здесь она чувствовала себя нужной, это стало ее целью, поскольку общество отвергло ее.

Она писала своей сестре, принцессе Виктории:

"Тебе пишет сияющая, счастливая мать. Можешь представить себе наше бесконечное счастье теперь, когда у нас есть наша драгоценная малышка, и мы можем заботиться и ухаживать за нею".[21]

За Ольгой последовали еще трое дочерей и сын: Татьяна в 1897, Мария в 1899, Анастасия в 1901 и Алексей в 1904. Александра Феодоровна сама кормила их - для Монаршей особы того времени это было отступлением от условностей, тогда было принято нанимать кормилицу. Дети подрастали, и она включалась в их воспитание и образование.

Пьер Жильяр, французский гувернер детей: "Великие княжны были очаровательны - воплощение свежести и здоровья. Трудно было бы найти четырех сестер с более разными характерами, и все же так совершенно едиными в любви друг к другу, что не исключало личной независимости каждого, и, несмотря

на разные темпераменты, делало их самой сплоченной семьей".[22]

Режим для детей был обычным, не отягощенным обязанностями, привычными для Царской Семьи. Император и Императрица были верны принципам их собственного воспитания: большие, хорошо проветренные комнаты, где жили девочки, жесткие походные кровати без подушек, холодные купания (теплые разрешались вечером). Подрастая, дети обедали вместе с родителями. Еда была простая: говядина, свинина, борщ или гречневая каша, вареная рыба, фрукты. Не принимая расточительного образа жизни большей части высшего общества России, Николай Александрович и Александра Феодоровна хотели постепенно привить чувство настоящих ценностей и своим детям. Такое благотворное моральное и духовное воздействие ясно обозначилось в их короткой жизни. Как писал один близкий им человек: "Поскольку они вели такую простую жизнь, они были просты в обращении и не придавали значения своему положению, у них не было и намека на высокомерие".[23]

Одна из фрейлин, Софи Буксгевден, вспоминает историю с 18-ти летней Татьяной: "Они не придавали значения своему царскому положению, болезненно воспринимая высокопарное обращение. Однажды, на заседании комиссии по делам благотворительности, я должна была обратиться к Великой княжне Татьяне как к президенту этой комиссии, естественно, начала: "Если это будет угодно Вашему Царскому высочеству". Она посмотрела на меня с изумлением, и, когда я села рядом с ней, наградила меня пинком под столом, и прошептала: "Вы что, с ума сошли, так ко мне обращаться?" Пришлось мне поговорить с Императрицей, чтобы убедить Татьяну, что в официальных случаях такое обращение необходимо".[24]

Часто в комнате Императрицы проводились "семейные вечера" детьми и близкими друзьями или родственниками. Музицировали, читали, беседовали, занимались рукоделием. Если Император мог присоединиться к ним - а он обычно был занят до полуночи, работая с государственными бумагами, - он приходил и читал вслух, причем любимым его чтением были рассказы и стихи из русской литературы или Евангелие.

Как правило, дети редко принимали участие в светских приемах, за исключением тех случаев, когда этого требовал Дворцовый этикет. Им было трудно обзавестись друзьями. Императрицу страшила мысль о влиянии на ее дочерей сильно избалованных молодых женщин высшего класса с их глупыми и подчас жестокими светскими сплетнями. Это касалось, в том числе, и молодых кузин, чье воспитание было более снисходительным. Когда родился сын, Александра Феодоровна выбирала ему друзей из числа детей дворцовых слуг, воспитателей и доктора.

Спортивные игры занимали значительное место в воспитании детей. Обычно это бывало в парке, обрамляющем Дворец, в Царском Селе и загородных резиденциях в конце лета или ранней осенью. Неделю или две проводили время на Царской яхте "Штандарт", единственном месте, где вдали от посторонних глаз все могли расслабиться, быть самими собой. Были также вечера у тетушки Ольги, когда на чай приглашали молодежь. Позднее стали устраивать теннис, конные прогулки с молодыми офицерами. Император иногда сам сопровождал дочерей в театры и на концерты.

Софи Буксгевден вспоминает:

"Императрица в самом деле воспитывала дочерей сама, и делала это прекрасно. Трудно представить себе более очаровательных, чистых и умных девочек. Она проявляла свой авторитет только при необходимости,

и это не нарушало той атмосферы абсолютного доверия, которая царила между нею и дочерьми. Она понимала жизнерадостность юности и никогда не сдерживала их, если они шалили и смеялись. Ей также нравилось присутствовать на уроках, обсуждать с учителями направление и содержание занятий.

Все девочки были очень хороши собою. Великая княжна Ольга Николаевна была красивая, высокая, со смеющимися голубыми глазами, чуть коротким носиком, который она сама называла "мой курносик". У нее были очень красивые зубы, изумительная фигура, она прекрасно ездила верхом и танцевала. Из всех сестер она была самая умная, самая музыкальная; по мнению ее учителей она обладала абсолютным слухом. Она могла сыграть на слух любую услышанную мелодию, переложить сложные музыкальные пьесы, аккомпанировать без нот самые трудные вещи, пальцы ее извлекали из инструмента чудесный звук.

Ольга Николаевна была очень непосредственна, иногда слишком откровенна, всегда искренна. Она была очень обаятельная и самая веселая. Когда она училась, бедным учителям приходилось испытывать на себе множество ее всевозможных штучек, которые она изобретала, чтобы подшутить над ними. Да и повзрослев, она не оставляла случая позабавиться. Она была щедра и немедленно отзывалась на любую просьбу. От нее часто слышали: "Ой, надо помочь бедняжке такому-то и такой-то, я как-то должна это сделать". Ее сестра Татьяна была склонна более оказывать помощь практическую, она спрашивала имена нуждающихся, подробности, записывала все, и, спустя некоторое время, оказывала конкретную помощь просителю, чувствуя себя обязанной сделать это. Ольга Николаевна преклонялась перед отцом. Ближе всех приняла она к сердцу ужас революции: полностью изменилась, от ее былой живости не осталось и следа.

Татьяна Николаевна, по-моему, была самая хорошенькая. Она была выше матери, но такая тоненькая и так хорошо сложена, что высокий рост был ей не помехой. У нее были красивые, правильные черты лица, она была похожа на своих Царственных красавиц-родственниц, чьи фамильные портреты украшали дворец. Темноволосая, бледнолицая, с широко расставленными светло карими глазами, это придавало ее взгляду поэтическое, несколько отсутствующее выражение, что не совсем соответствовало ее характеру. В ней была смесь искренности, прямолинейности и упорства, склонности к поэзии и абстрактным идеям. Она была ближе всех к матери, и была любимицей у нее и у отца. Абсолютно лишенная самолюбия, она всегда была готова отказаться от своих планов, если была возможность погулять с отцом, почитать матери, сделать то, о чем ее просили. Именно Татьяна Николаевна нянчилась с младшими, помогала устраивать дела во Дворце, чтобы официальные церемонии согласовывались с личными планами Семьи. У нее был практический ум Императрицы и детальный подход ко всему. Она не обладала сильным характером Ольги Николаевны, всегда была под ее влиянием, но в случаях, требующих решительных действий, принимала решения быстрее, чем ее старшая сестра, и никогда не теряла головы.

Мария Николаевна, как и Ольга Николаевна, была живая и яркая, с такою же, как у сестры, улыбкой, овалом лица, а ее темносиние глаза - "Мариины блюдца", как говорили ее кузины, были изумительны. Мария Николаевна одна из всех сестер обладала талантом рисования, наброски ее были весьма хороши. "Машка", - как звали ее сестры, - была в полном подчинении у младшей, Анастасии Николаевны, "постреленка", как звала ее мать.

Анастасия Николаевна, скорее всего, выросла бы самой красивой из всех сестер. Хорошо очерченные,

правильные черты лица. Прекрасные волосы, глаза с лукавинкой, заразительный смех, темные, почти сросшиеся брови делали младшую Великую княжну совсем непохожей на сестер. У нее был свой характерный тип внешности, больше в материнскую породу, чем в отцовскую. В свои 17 лет она была маленького роста, полненькая, но это была полнота юности. Потом она переросла бы ее, как и Мария.

Анастасия Николаевна была заводилой во всех проделках, и настолько же остроумна и весела, насколько ленива в уроках. Она была быстрая, исполнительная, с хорошо развитым чувством юмора, и единственная из всех сестер не знала, что такое робость.[25]

Атмосферу семейного тепла и счастья тех ранних лет создавала Александра Феодоровна - мать и жена. Вот как пишет об этом Анна, ее подруга:

"Какой бы монотонной ни казалась жизнь Императора и его Семьи, она была безоблачной и счастливой. Никогда, за двенадцать лет жизни с ними, я не слышала, чтобы Император и Императрица обменялись бы раздраженным словом, не видела сердитого взгляда. Для него она всегда была "солнышко" или "родная", и он входил в ее комнату, задрапированную лиловым, как входят в обитель отдыха и покоя. Все заботы и политические дела оставлялись за порогом, и нам никогда не разрешалось говорить на эти темы, Императрица же держала свои тревоги при себе. Она никогда не поддавалась искушению поделиться с ним своими треволнениями, рассказать о глупых и злобных интригах ее фрейлин или о неприятностях, связанных с учебой и воспитанием детей. "Ему надо думать обо всем народе", - говорила мне она".[26]

Собственная роль Александры Феодоровны в государственных делах была в то время ограничена. Она предоставляла заниматься ими самому Императору, а на себя брала попечение о детях, Дворце и

многочисленных благотворительных делах. В конце она приняла на себя правление страной, хотя и неофициально, как повелось со времен Петра Великого; в России это было в порядке вещей: и она сама, и общество смотрели на это как на естественное продолжение ее обязанностей во время участия Императора в военных действиях в период I Мировой Войны. Нападки на нее в то время носили личный характер, это не были попытки обвинить ее в желании занять Престол.

Александра Феодоровна полностью посвятила себя Семье, России, и вместе с тем росло и углублялось ее православное благочестие. Она особенно почитала Богородицу, любила молиться перед иконой Казанской Божией Матери в московском Соборе. Одна из ее приближенных вспоминает:

"Императрица часто приходила в этот Собор между службами с одной из своих фрейлин. Она преклоняла колени в тени одной из колонн, и никто не догадывался, что это за дама, которая скромно молится, купив свечи и поставив их перед иконами".[27]

Она устроила небольшую часовенку около своей комнаты для уединенных молитв, и обращала особое внимание на вечерние молитвы детей перед сном в детской. Вся Царская Семья посещала Божественную литургию по воскресным и праздничным дням и Великим Постом. С первых дней своего вступления в брак с Императором, Александра Феодоровна поддерживала теплые отношения с отцом Иоанном Кронштадтским. После смерти отца Иоанна она стала получать духовное окормление у царского духовника архимандрита Феофана (позднее - архиепископа Полтавского). В те времена окрепла ее вера в Бога и Его бесконечную доброту, которая не оставляла ее в дни тяжких испытаний - болезни сына, отречения Царя и предания в руки революционеров.

Ее часто упрекали в фанатичной религиозности, полуистерической мистичности. Но эти обвинения беспочвенны.

Едва ли можно назвать фанатичной любовь Александры Феодоровны к церковной истории, к святым, к иконам, ее попытки воплотить религиозные ценности в жизни общества путем благотворительности и милосердия. Все это делало ее общение с дамами высшего света напряженным, больше и больше увеличивая разрыв между ними.

Ее благочестие воспринималось как "преувеличенное", и ей часто приписывали увлечение спиритизмом. Многие из кругов высшего света в то время отрицали традиционное православие в угоду агностическому материализму или всякого рода модной эзотерической практике и при этом вели аморальную жизнь. До нас дошли сомнительные истории из вторых и третьих рук, что Александра Феодоровна принимала участие в спиритических сеансах, и достоверные свидетельства из первых рук о ее непричастности к этому.

Анна Вырубова пишет:

"С самых первых дней моего знакомства с Императрицей, еще с 1905 года, я получила от нее серьезное предупреждение: если я хочу ее дружбы, я не должна иметь ничего общего с так называемым спиритизмом".[28]

Баронесса Софи Буксгевден:

"Это была чистая выдумка - никогда Императрица не занималась спиритизмом, - наоборот, она часто говорила мне, что считала неправильным "вызывать души мертвых, даже если это было бы возможно"".[29]

Сестра Николая II, Великая княгиня Ольга Александровна, твердо заявляет, что "слухи об этом были бы смешны, если бы не были такими злобными. Аликс была истинной православной христианкой, а Православная Церковь исключает подобную деятельность".[30]

Ее знакомство с мсье Филиппом, французским духовным целителем, а позднее с Распутиным было основано на вере в то, что Господь откликается и исцеляет по молитвам истинных христиан, каковыми она обоих считала.

Разве можно поверить, что женщина, получившая классическое образование, скрупулезно подготовившая себя к обращению из лютеранства в Православие, легкомысленно променяет свои выстраданные религиозные убеждения на вычурные спиритические глупости, столь популярные в обществе.

12 августа 1904 года Император Николай Александрович написал в своем дневнике: "Великий, незабываемый день: милость Божия явно посетила нас. Сегодня в час Аликс родила сына. Мальчика назвали Алексеем".[31]

Наконец-то появился Наследник на Престол. Самый младший из детей Императрицы Александры Феодоровна был первым Наследником, рожденным Царствующей четой со времен XVII века. Долгожданным рождением Цесаревича Царская Семья была - по вере - обязана молитвам преподобного Серафима Саровского: Александра Феодоровна совершила паломничество к раке с мощами Преподобного, просила о сыне.

Ребенок родился крепким, здоровым, "с густыми золотыми волосами и большими синими глазами". Это был милый веселый мальчик, и только спустя несколько месяцев родители стали замечать с беспокойством первые признаки гемофилии. Носителями этой болезни обычно являются женщины, наследуют же ее их сыновья. Александре Феодоровне этот генетический дефект достался от бабушки, королевы Виктории, и она передала его Алексею. Даже когда удавалось контролировать внешние кровотечения и уберечь мальчика от малейших царапин, которые могли бы оказаться фатальными, ничего нельзя было сделать с внутренними

кровоизлияниями - они вызывали мучительные боли в костях и суставах.

Это был страшный удар для всей Семьи - никто не мог облегчить страдания ребенка. Родители никогда не оставляли надежды на улучшение, но всем было ясно, что Алексей может не дожить до восшествия на Престол.

Так начались годы напряжения и тревоги для Александры Феодоровны. Ее бдения около кроватки сына будут длиться дни, а то и недели, во время повторяющихся приступов болезни.

Она часто отказывалась от помощи няни и соглашалась лишь немного прилечь, если около Алексея дежурила одна из ее дочерей. Описания приступов душераздирающи. Вот как описывает баронесса Буксгевден один из них, происшедший в Спала, в Польше:

"Сначала бедное дитя громко плакало, но, по мере того, как силы покидали его, начался непрерывный вопль, переходящий в хриплый стон. Он не принимал пищи, не мог найти удобного положения в постели.

Иногда его дядька Деревенко часами носил обессиленного бедняжку на руках, когда мальчику казалось, что движение облегчит его боль. Иногда он лежал на подушках, худел день ото дня, его слабость усиливалась, а его большие глаза горели как угольки на изможденном, истощенном личике. Императрица была в отчаянии, видя все это и не будучи в силах облегчить его невыносимые страдания. Мальчик плакал и звал смерть как избавление; до этого никто не представлял себе, что ребенок всего восьми лет от роду, защищенный от всех бед и печалей, мог так хорошо знать истинное значение слова "смерть". Он просил похоронить его днем, когда светло, и чтобы синее небо было над ним.

"Когда я умру, будет уже не больно, да ведь?" - спрашивал он мать. "Мамочка, помоги!" - был его беспрерывный плач, потому что Императрица всегда умела

успокоить его и как-то облегчить боль. Но теперь она была бессильна. Она только могла взять его на руки, как малое дитя, утешая его, стараясь найти наиболее удобное для него положение, чтобы хоть чуть ему было полегче, а его душераздирающий вопль все продолжался".[32]

Напряжение не спадало и в периоды затишья. Стараясь предотвратить беду - а в то время в таком возрасте 85% больных гемофилией умирали, - к Алексею приставили нянькой матроса с королевской яхты, чтобы не спускал с него глаз. Но, как пишет Пьер Жильяр, учитель французского языка Царских детей и наставник Алексея, это тоже имело нежелательные последствия. По словам Жильяра, Алексей был очень ласковый мальчик. Природа наделила его проницательным умом. Он был чувствителен к страданиям других людей, потому что сам так много страдал. Но постоянный надзор раздражал и унижал его. Боясь, что мальчик начнет хитрить и обманывать, чтобы ускользнуть от постоянного надзора опекуна, Жильяр попросил для Алексея больше свободы для выработки внутренней дисциплины и самоконтроля у мальчика.

"Родители - только они одни - могли принять решение, которое повлекло бы за собой серьезные последствия для их чада. К моему великому удивлению, они полностью согласились со мной и сказали, что готовы пойти на этот рискованный эксперимент. Я и сам приступал к нему с великой тревогой. Они, несомненно, понимали, как важна правильно подобранная система воспитания для формирования лучших качеств их сына, и, хотя они безумно любили его, сама эта любовь давала им силу скорее пойти на риск возможного несчастья, нежели впоследствии видеть сына бесхарактерным и безнравственным".

Алексею, конечно, было по душе желание родителей, и он обещал оправдать их доверие.

Сначала все шло хорошо, и я уж начинал про себя радоваться облегчению, как вдруг произошла случайность, которой я так боялся. Царевич стоял на стуле в классной комнате, пошатнулся, упал со стула и ушиб об угол правую коленку. На другой день он не мог ходить. А еще через день ушибленное место распухло, под затвердевшим местом собралась кровь, она давила на нерв, вызывая стреляющую боль, и эта боль с каждым часом все усиливалась. Меня как громом поразило. Но ни Царь, ни Царица не сделали мне ни малейшего упрека. Более того, зная, насколько опасна болезнь Наследника, они, казалось, старались смягчить мое отчаяние. Они как будто хотели собственным примером показать мне, как надо встречать неизбежное страшное испытание и приняли меня в союзники в своем долгом изнурительном подвиге. Они делились со мною своими тревогами с искренней и трогательной добротою.

Царица была у постели сына с самого начала. Она сама ухаживала за ним, окружала его нежной любовью и заботой, придумывала тысячи способов облегчить его страдания. Царь заходил, как только находилась свободная минута. Он старался утешить и развеселить мальчика, но боль была сильнее ласки матери и рассказов отца - стоны и плач возобновлялись. Дверь постоянно открывалась; то одна, то другая Царевны входили на цыпочках, целовали маленького брата, принося с собою в комнаты волны свежести и здоровья. Иногда мальчик открывал свои огромные глаза, обведенные темными кругами, которые нарисовала болезнь, и закрывал их снова".[33]

В то же время пошатнулось здоровье и Александры Феодоровны. Она с детства мучительно страдала радикулитом и вынуждена была иногда передвигаться на коляске. Это, в сочетании с трудными частыми беременностями, когда она неделями порою была прикована к постели, усугублялось необходимостью участвовать

в официальной жизни Двора и общественных делах, несмотря на болезнь. В 1908 году, когда Алексею был поставлен диагноз гемофилии, это вызвало у нее хроническую болезнь сердца. Сестра ее мужа Ольга Александровна писала, что порою Александре Феодоровне было очень плохо. "Ее дыхание учащалось, часто я видела, что губы ее синели. Постоянная тревога за Алексея окончательно подорвала ее здоровье".[34]

Царь, предупрежденный докторами, вывез ее в Германию на лечение. Он был очень обеспокоен ее болезнью и впоследствии говорил: "Я бы все сделал, хоть в тюрьму пошел, лишь бы она выздоровела". Лечение в Германии было не очень успешным, но Александра Феодоровна переносила свою болезнь с присущим ей мужеством. В письме к своей старшей сестре Виктории она пишет:

"Ты не думай, что моя болезнь угнетает меня саму. Мне все равно, вот только мои дорогие и родные страдают из-за меня, да иногда не могу выполнять свои обязанности. Но если Бог посылает мне этот крест, его надо нести. Наша милая мамочка тоже потеряла здоровье в раннем возрасте. Мне досталось столько счастья, что я охотно отдала бы за него все удовольствия; они так мало значат для меня, а моя семейная жизнь так идеальна, что сполна возмещает все, в чем я не могу принять участия".[35]

Нетрудно проследить непонимание в обществе и растущую непопулярность Царицы. Не желая афишировать свое ухудшающееся здоровье, Александра Феодоровна поневоле становилась добычей дворовых пересудов, которые пережили ее саму. Морис Палеолог, французский посол, сидел напротив нее однажды на приеме и так отозвался о Царице:

"Довольно долго на лице у нее была застывшая улыбка, на висках набухли вены. Она каждую минуту кусала

губы. От ее прерывистого дыхания переливались бриллианты колье на груди. До самого конца долгого официального обеда бедная женщина едва сдерживала слезы".[36]

Для сравнения можно привести высказывание баронессы Буксгевден: "Она постоянно испытывала боль, часто задыхаясь, а тут еще почти хроническая невралгия лицевого нерва вдобавок к радикулиту, от которого она так долго страдала".[37]

Лили Ден, ее близкая подруга, утверждает:

"У нее было слабое сердце из-за частых родов, а иногда ей было очень трудно дышать. Но никогда я не видела ни малейших признаков истерии".[38]

Есть еще примеры неправильного толкования поведения Императрицы людьми, не знавшими ее лично, но это лишь их досужие домыслы. А поскольку они имели некоторый вес в обществе, то их свидетельства с готовностью и как факт приняли журналисты, превратив в миф, и теперь это уже почти невозможно исправить.

Частые роды, слабое здоровье, забота об Алексее - все это значительно уменьшало ее возможности выполнять многочисленные общественные дела. Она очень хорошо знала Россию, но не любила помпезности и всякого рода церемониальные обязанности Двора; кроме того, ее застенчивость часто вызывала слухи о ее высокомерности, а также преувеличенные, доходящие до абсурда, злословия о ее прогерманских симпатиях и нелояльности к России.*[39]

"Я думаю, ей не доставало чувства "театральности", присущего русской натуре; кажется, что русские скорее играют в жизнь, а не живут. Императрице, выросшей

---

*Интересен взгляд на застенчивость Александры Феодоровны Чарльза Гиббса, учителя английского языка Алексея, делившего с Царской Семьей тяготы ссылки и заключения.

под попечительством своей бабушки, королевы Виктории, это было чуждо. Неудивительно, что такая фундаментальная разница между нею и людьми при Дворе и была основой того отчуждения, которое отмечают почти все те, кто писал о ней. Она видела это и, не сознавая причины, укрывалась за своею природною застенчивостью, о которой сожалела, но преодолеть не могла".

Жильяр, еще до того, как узнал о болезни Царевича Алексея, вспоминает один из таких обязательных государственных приемов во время одного из приступов болезни:

"Я мог видеть Царицу в первом ряду - она улыбалась и весело говорила с кем-то из рядом сидящих. Когда официальная часть бала окончена, я вышел через служебную дверь в коридор напротив комнаты Алексея Николаевича, откуда доносились громкие стоны. Вдруг я увидел Царицу - она бежала, неловко подхватив руками мешающее ей бежать платье. Я отпрянул к стене, а она промчалась, не заметив меня. Взгляд у нее был отчаянный, полный ужаса. Несколько минут спустя Царица появилась снова. На лице - светская маска. Она мило улыбалась гостям, обступившим ее. Но я увидел и Царя: будучи занятым разговором, он встал таким образом, чтобы видеть дверь, и я заметил, какой отчаянный взгляд бросила на него только что вошедшая Царица. Я вдруг со всей глубиной понял трагедию двойной жизни".[40]

Глава III.
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ

Все ж милосердие сильней:
Оно на троне в сердце королей.
Шекспир

Императрица Александра Феодоровна обладала сильным характером, отличительной чертой которого являлась любовь к мужу и детям. И хотя она получила блестящее образование и обладала острым умом, все же жила она скорее сердцем, чем разумом. Она проявляла верность и большое расположение к тем, кого любила, и, если приходилось выбирать между чисто рациональной логикой и любовью, обычно выигрывало сердце.

Такую любовь к людям и веру в их врожденную доброту она пронесла через всю жизнь, и это было основой ее милосердия, и, в то же время, политических ошибок, которые она позже совершила как Императрица, - ведь многие из тех, кому она доверяла, оказались недостойными ее доверия.

У нее был горячий темперамент. Редкие случаи раздражения, правда, проходили быстро, и причиною их были, как правило, неискренность или обман, обнаруженные среди приближенных. Одна из ее подруг говорит:

"Бывало, что кто-то выводил ее из себя, и она давала волю раздражению, но потом она очень сожалела о своей горячности, переживала из-за пустяков целыми днями, в то время как предмет ее недовольства давно забыл об этом. Как искренне, от всего сердца просила она - по русскому обычаю - прощения у окружающих перед исповедью!"[41]

Несмотря на свою горячность и редкие срывы, Александра Феодоровна была очень заботлива к людям, окружавшим ее. Баронесса Буксгевден вспоминает:

"Она проявляла интерес ко всем при Дворе: от первой фрейлины до последней служанки, и часто помогала скромным людям и их семьям так, чтобы никто не знал об этом. Она была справедлива в истинно христианском смысле и помогала людям независимо от их положения в обществе. Она с готовностью навещала как больную служанку, так и любую из фрейлин".[42]

Вот случай с одной из ее приближенных.

Во время свадьбы племянницы Императрицы, принцессы Алисы, и греческого принца Андрея, одна из молодых фрейлин Александры Феодоровны, 23-летняя Соня Орбелиани, серьезно заболела. Она была сиротой, и Александра Феодоровна ухаживала за ней как за собственной дочерью, проводя с нею каждый час, свободный от дворцовых обязанностей по организации свадебных торжеств. По возвращении из Греции, Александра Феодоровна поместила Соню во Дворце рядом с комнатами дочерей. У Сони была медленно прогрессирующая болезнь позвоночника, и в течение 9 лет Императрица ежедневно навещала ее; она сидела ночами у постели Сони при сильных приступах боли, и когда девушка снова могла сесть в кресло-коляску, ее привлекали к активному участию в жизни Семьи и Двора. Александра Феодоровна не хотела, чтобы Соня чувствовала себя просто обузой, требующей августейшего внимания.

Пишет Софи Буксгевден:

"Огромное влияние имела на нее Императрица; несчастной девушке, которая знала, что ее ждет, именно она привила чувство христианского смирения, и та не только терпеливо переносила болезнь, но была бодра духом и проявляла горячий интерес к жизни".[43]

В 1915 году Соня умерла, и Александра Феодоровна пишет Николаю Александровичу:

"Вот и еще одно верное сердце ушло в страну неведомую! Я рада, что здесь для нее все кончилось, потому что в дальнейшем ей суждены были тяжкие страдания. Да упокоит Господь ее душу с миром и да благословит ее за великую любовь ко мне во все эти долгие годы. Никогда это дитя не жаловалось на здоровье - даже парализованная, она до конца умела радоваться жизни. Что за великая тайна - жизнь. Вот все ждут рождения маленького существа, а вот уже ждут расставания души с телом. Что-то великое во всем этом, и чувствуешь, как малы и ничтожны мы, смертные, и как велик наш Отец Небесный. Трудно выразить на бумаге все мысли и чувства, я ощущаю себя как человек, который весь вверил себя лишь попечению Божию, ожидая от него счастья души своей; охватывает благоговейный страх и чувство святости момента - такое тайное можно постичь только т а м ".[44]

Слухи о баснословном богатстве Романовых, дошедшие до нас, обросли легендами. Николай II как глава Царствующей Династии, распоряжался имуществом Империи. Общий доход составлял 24 млн. рублей золотом (12 млн. долларов) в год, и складывался он частью из российской казны, а частью из доходов от царских земель (оцененных в 50 млн. долларов на 1914 год.*)

---

*В 1910 году валютный денежный курс был 10 руб. = 1.13 англ. фунтов стерлингов, что равно 5.14 долларов США. Сейчас курс доллара равен 7 2/3 цента по отношению к его стоимости в 1910 году. Надо было содержать семь дворцов, и, если бы даже Николай Александрович и Александра Феодоровна захотели продать их, они не смогли бы этого сделать. Эти дворцы принадлежали Династии Романовых, и, будучи Царскими апартаментами, дворцы имели еще огромное историческое значение. Император содержал 1500 административных чиновников и придворных. Они были на полном содержании у Императора: питание, проживание, стипендии, пенсии, оплата докторов, униформа, подарки (три раза в год), а также образование и медицинская помощь детям слуг Царской Семьи, многие из которых желали поступить в университеты. Помимо этого, существовали царские поезда и яхты, которые тоже нужно было содержать, и, кроме того, расходы на путешествия.[45]

Еще 80 млн. были вложены в корону и фамильные драгоценности, которые с особой заботой покупали и передавали из поколения в поколение в течение трех веков правления Династии.[46]

Царь содержал два театра в Москве и три театра в Санкт-Петербурге, а также Императорскую Балетную Школу. Один автор пишет:

"Даже маленькие воспитанницы Балетной Школы, носившие темносиние форменные платьица с серебряной окантовкой по воротничку и тренировавшиеся в прыжках и антраша, считались членами Царского Двора".[47]

Художественная Академия и Академия Наук были на собственном обеспечении, но каждый год, когда у них кончались средства, они обращались к Царю. Он также содержал сиротские приюты, богадельни, дома для слепых и многие больницы.

Глава Царской Семьи Николай Александрович должен был поддерживать постоянно растущее число членов Династии (около 60 человек). Каждый Великий князь получал 800.000 рублей золотом в год, а Великие княжны - приданое в 3 млн. рублей золотом.

Великая княгиня Ольга Александровна добавляет:

"Ко всему прочему, личная канцелярия Царя была завалена частными письмами о денежной помощи. Вдова полицейского просила помочь дать детям образование; одаренный студент университета просит субсидии, чтобы окончить учебу, крестьянин - корову, рыбак - новую лодку, вдове чиновника не на что купить очки. Царская канцелярия имела строгое предписание не оставлять без ответа ни одного письма. По каждому прошению наводились справки, и, в случае достоверности нужды, прошения удовлетворялись.

На бумаге - доход огромный, но фактически - нет. Бюджетный год начинался с 1 января. Довольно часто

к осени у Ники уже не оставалось денег. Моя мать, Ники, Ксения, Михаил и я всегда смущались этим обстоятельством. Обладая таким богатством, я никогда не имела достаточно денег, чтобы купить себе то, что я хотела".[48]

Согласно различным источникам, личный доход Императора и Императрицы составлял 40-50 тыс. английских фунтов в год - около 206-257 тыс. долларов в год. (Их общий доход можно было сравнить с ежегодным доходом короля Англии Эдуарда VII - 174 тысячи фунтов, не считая личного состояния. Его дворцы и путешествия частично оплачивались правительством, и ничего из этих денег не тратилось на благотворительные цели.)

Ко времени отречения имущество Николая II и Александры Феодоровны оценивалось примерно в 1 млн. 287.5 тыс. долларов, которые были бы "уменьшены до незначительного состояния" из-за огромного количества субсидий, что они должны были выплатить.[49]

В своей работе "Перед революцией" Татьяна Браун пишет: "Популярное представление об огромном богатстве русской аристократии, проматывающей свои миллионы, роскошествуя на восточный манер, на самом деле малообоснованно, - ведь чтобы тратить эти миллионы, надо было бы их хотя бы иметь. Огромные частные состояния по меркам, типичным для промышленных стран Европы и Америки, были вне досягаемости в такой преобладающе сельскохозяйственной стране, как Россия. Едва ли полдюжины самых богатых людей России могли бы соперничать с Рокфеллерами, Асторами, Вандербильтами и Ротшильдами, и лишь немногие из них могли бы похвастать таким же состоянием, как у пэров в Объединенном Королевстве. Конечно, были случаи показной расточительности, и существует много историй об экстравагантном поведении

русской "золотой молодежи", но такие рассказы можно легко найти и о "золотой молодежи" любой другой страны".[50]

По своей инициативе Александра Феодоровна учреждала работные дома в России, школы для сиделок и ортопедические клиники для больных детей. Личный доход самой Императрицы был невелик, и ей приходилось урезывать свои расходы, чтобы выделить деньги на нужды благотворительности. В октябре 1915 года ей пришлось известить просителей, чтобы они подождали начала года, потому что свой годовой доход она истратила на вдов, раненых и сирот.

Во время голода 1898 года она пожертвовала 50.000 рублей из своего частного фонда для голодающих в деревне - что составляло восьмую часть годового фамильного дохода - это помимо обычных трат на благотворительные нужды".[51]

Другой такой заботой Александры Феодоровны была школа народного искусства. Желая возрождать и развивать старые вымирающие крестьянские ремесла, Александра Феодоровна организовала школу, где молодые крестьянки и монахини проходили двухгодичный курс обучения народному рукоделию и изобразительному искусству.

В свою очередь, эти женщины потом учили возрожденному ремеслу других - в мастерских деревень и монастырей.[52]

К большому огорчению Александры, ей не удалось осуществить один из самых заветных своих планов - она хотела улучшить академическое образование женщин. Аристократия, опекавшая частные учебные заведения, была обижена ее критикой системы образования как непрактичной и устаревшей и не приняла предлагаемых ею планов реформ.

Благотворительная деятельность - вот то, чему Императрица отдавала себя с присущей ей самоотверженностью, помимо узкого круга Семьи и друзей.

Софи Буксгевден пишет:

"Императрица проявляла к этой работе огромный интерес. Она была истинным филантропом. Ей нравилось придумывать какие-то новые проекты, и она с энтузиазмом претворяла их в жизнь. Каждую деталь она тщательно продумывала, и во всем чувствовалось ее живое участие. При обсуждениях она всегда схватывала непосредственную суть вещей, выделяла наиболее практичные предложения, и самые лучшие и существенные поправки, как правило, исходили от нее. Все, кто соприкасался с нею в этих делах, не могли не оценить ясность ее мышления и здравый смысл. Она самозабвенно говорила об интересующих ее вещах и зажигала энтузиазмом единомышленников. Особенно ее занимала проблема благотворительной опеки детей. В этом направлении в России нужно было сделать очень много, и Императрица активно принялась за дело".[53]

Государственные дела не мешали ее благотворительной деятельности.

"Сколько раз, чувствуя себя слабой и нездоровой, Императрица выезжала из Царского Села в Санкт-Петербург навестить больных. Она сама была заботливой матерью, и ей особенно близко было горе других матерей. И те, кого она хорошо знала, и случайные малознакомые люди, - все находили утешение у Александры Феодоровны, обращаясь к ней со своими бедами. При малейшей возможности она посещала больных сама, а если не могла - писала теплые, утешительные письма, посылала любимые книги и цветы. Я неоднократно видела в Ялте, как она просто и скромно шла навестить больного в его бедном жилище, как разговаривала с больной матерью, делясь с ней своим опытом.

Во время войны множество больных вдов и матерей приходили во Дворец, где их встречала Императрица со словами сердечного сочувствия и утешения. Александра Феодоровна старалась принимать этих женщин, избегая официальных церемоний, часто без придворных дам, чтобы ее гостьи чувствовали в ней только сострадающую их горю женщину. И те, кто видели Императрицу такой, никогда бы не сказали о ней, что она холодна или чопорна".[54]

С самого начала своего замужества Императрица проявляла живой интерес к санаториям туберкулезных больных в Ливадии - в Крыму, имении Царской Семьи. Видя бедность этих санаториев, она помогала им из собственных средств. Анна Вырубова периодически навещала санатории, находила туберкулезных больных, которые по бедности не могли платить за лечение; составляла отчеты о медицинском обслуживании. Императрица с осмотрительностью оказывала помощь нуждающимся.

Каждое лето Александра Феодоровна организовывала базары по деревням вокруг Ливадии. Выручка шла на лечение бедных туберкулезных больных. Александра Феодоровна, с дочерьми и фрейлинами, сама принимала участие в распродаже изготовленных собственными руками изделий - прекрасного шитья, вышивок. У нее был свой киоск на этом базаре, и она работала на распродажах, не взирая на недомогания. Анна Вырубова вспоминает:

"Вокруг нее всегда была толпа. Люди протискивались, чтобы дотронуться до ее руки, рукава, платья, желая получить покупку из ее собственных рук. Часто люди на этих базарах просили показать им Царевича, а Императрица, радостно улыбаясь, ставила его на стол, и Алексей, смущаясь, мило раскланивался. Таковы были личные отношения Царя и его подданных, в которых

отразилась патриархальность жизни и истинная душа России до революции. Часто я читала в книгах западных авторов, что Царь и его Семья жили в постоянном страхе, что народ ненавидел их, и они справедливо боялись этой ненависти. Ничего более далекого от правды невозможно себе представить. Никогда ни Николай II, ни Александра Феодоровна не боялись своих людей. Их невероятно раздражал постоянный надзор полиции, обеспечивающий их безопасность, и самым большим счастьем для них было очутиться без сопровождения в толпе русских людей, которых они любили".[55]

Баронесса Буксгевден:

"Императрица была смелая. Она считала возможность покушения на жизни Царей как бы неотделимой от их положения, и никогда не заостряла на этом внимания и не думала об этом. Такая возможность всегда была, но она принимала судьбу с глубокой верой в Промысл Божий".[56]

Когда дочери подросли, они стали заниматься благотворительной деятельностью вместе с матерью.

"Она неожиданно посещала многих туберкулезных больных, причем делала это очень деликатно. Когда не могла идти сама, посылала дочерей. Ей часто говорили, что не стоит подвергать девочек опасности - они могли заразиться туберкулезной палочкой у постели больного, но она не принимала этого во внимание, и Великие княжны навещали многих самых тяжелых больных. "Они должны видеть в жизни не только красоту, но и печаль," - сказала она однажды".[57]

Когда у Великой княжны Ольги появились собственные деньги, ее первой просьбой было позволить ей оплатить лечение ребенка-инвалида. Во время верховых прогулок она часто видела этого прихрамывающего мальчика с костылями и слышала, что у его родителей нет денег на лечение. Она тут же начала откладывать

на его лечение из своих ежемесячных небольших сумм. Великим княжнам никогда не отказывали в просьбах. Девушки старались оказывать помощь и всегда интересовались результатами.

Многие авторы повторяли расхожее мнение о том, что Александра Феодоровна жила изолированно и чуждалась людей. Однако, из достоверных источников известно, что многое ей приходилось делать не по своему желанию, а согласно обязательствам. Летом, когда Царская Семья выезжала в Крым, "Императрица часто сидела у реки или у автомобиля - далеко ходить она не могла. Ей нравилось разговаривать с проходящими мимо сельчанами, и кончалось это обычно помощью людям, которые сначала не знали, с кем они говорят".[58]

Глава IV.
ПОСЛЕДНЕЕ ЦАРСТВОВАНИЕ РОМАНОВЫХ

Царь - раб истории. История несознательно роящегося человечества пользуется каждым моментом жизни Царей как инструментом для своих целей.

Толстой

Правление Царя Николая II и Царицы Александры Феодоровны вызывает самое пристальное внимание историков. Быть может, потому, что это был последний бастион могущественного Самодержавия. Сам Запад сравнительно недавно отошел от подобной формы правления. Насаждение коммунистического режима и убийство Царской Семьи вызвали особый интерес в мире к этому историческому периоду, и эти события получили широкое освещение. Но жизнь и судьба Царской четы по-прежнему предстает перед нами противоречивой и полной вопросов: на самом ли деле Николай Александрович и Александра Феодоровна были слабохарактерными, бесчувственными тиранами, как их чаще всего изображали? Или есть нечто другое, более близкое к истине?

Многое из того, что написано о правлении Царя Николая, - откровенная ложь. Большевики проделали грандиозную работу и отлично справились со своей задачей, оклеветав Царя и его Семью ложными свидетельствами и фальсификациями, завершив политическим оружием последние штрихи в картине своей расправы. Большинство из всего этого было с готовностью принято западной публикой, не имеющей ни

малейшего представления о сложностях исторического пути и развития общества России, - для них Николай Александрович и Александра Феодоровна остались лишь тиранами. Если у читателя найдется время и он попытается пробиться сквозь толщу литературных изысканий того времени, ему придется пройти несколько слоев информации, чтобы добраться до достоверных сведений о Царской Семье.

В первом слое находятся журналисты, которые были более заинтересованы в сенсациях, нежели в реальных фактах. Для этого годились любые "жареные факты" и инсинуации - ведь надо было создавать книги на продажу. Неизвестное просто додумывали и выдавали за действительное. Сюда можно отнести таких очевидно пристрастных авторов как князь Феликс Юсупов, один из убийц Распутина; князь известен своим развратным образом жизни и лжесвидетельством. Сначала Юсупов пытался скрывать и отрицать свое участие в убийстве Распутина. Это ему не удалось, и он изобрел трагический бестселлер, изобразив убийство как героический поступок. Будучи мужем племянницы Николая II, Юсупов буквально вывалял Царскую Семью в грязи. Критически настроенный читатель не придал бы никакого значения этой безвкусно составленной сенсационной перетасовке событий, но, тем не менее, это один из наиболее часто цитируемых источников об Императрице и Распутине.

Другие журналисты как будто более объективны, но в их повествованиях не хватает истинной причастности к жизни внутри Царской Семьи; к примеру, о здоровье Императрицы и ее сына. Ни один из этих авторов не был очевидцем личных разговоров в Царской Семье. К их числу относятся некоторые родственники Императора, которые не имели близких отношений с августейшей фамилией. Это и такая известная фигура как Морис Палеолог, французский посол при русском Дворе,

чьи отчеты о Николае II и Александре Феодоровне имели характер второсортных великосветских сплетен.*

Большинство этих людей соединяли слухи при Дворе со своими собственными наблюдениями, часто не умея или не желая отделить факты от вымысла. Они сообщали сведения, выдавая их за утечку информации из интимных источников, желая показать свою причастность к малоизвестным тонкостям, а не просто к дворцовой интриге. Тем не менее, зачастую они были сильно дезинформированы, и раскрывали себя тем, что их факты были просто несвежими затасканными домыслами, столь характерными для дворцовых сплетен.

Более правдивыми кажутся те источники, на которых базируется настоящее исследование жизни Александры Феодоровны и ее Семьи. Это - люди самого близкого круга, непосредственные участники их повседневной жизни или, по крайней мере, те, кто передавал события и беседы из первых рук. Эти люди последовательны и откровенны. К ним относятся: сестра Николая II Ольга Александровна, баронесса Буксгевден, учителя-наставники Пьер Жильяр и Чарльз Гиббс, а также друзья Александры Феодоровны Анна Вырубова и Лили Ден. Все они дорого заплатили за свою близость к Августейшей Семье - ссылкой или тюрьмой.

Это можно оспаривать, учитывая пристрастность перечисленных людей. Но если взять их рассказы в целом - они свидетельствуют об объективности рассказчиков. Будучи рассеяны по всей Европе и не имея связи друг с другом, они дают удивительно схожие

*Великая княгиня Ольга Александровна, сестра Николая Александровича, говорит: "Возьмите, к примеру, мемуары Палеолога. Его посольство в Санкт-Петербурге - это прямо-таки настоящий общественный центр. Предполагают, что его информация о моем брате, его жене и Распутине обладает исключительной достоверностью, но это не более, чем выжимки из светских разговоров и сплетен, собранных в салонах Санкт-Петербурга".[59]

свидетельства о Царской Семье. Чего они могли достичь фальшивой симпатией? Для скандала годится то, что легче всего продать, а не льстивые отзывы. Разве нужна награда за преданность Семье, которой больше нет или если она в ссылке? Недостатки некоторых популярных антологий, таких как "Николай и Александра" Масси, коренятся в неверной оценке сильных и слабых мест цитируемых источников. Такая некритичность, а также изобилие излишних подробностей создает ореол правдоподобности, и читатель принимает на веру абсолютно все, включая искажения и домыслы. Описание сложностей, связанных с историей правления Николая II и крахом Династии, могли бы заполнить много томов. Здесь можно привести несколько примеров самых распространенных искажений такого рода - не для того, чтобы, пользуясь случаем, выразить симпатии или преуменьшить социальные проблемы, а просто чтобы взглянуть на общепринятую точку зрения с другой стороны.

Императорская Россия сталкивалась с невероятными сложностями, которые трудно переоценить. Бремя правительства, с его нелюбовью к переменам, отягощалось праздным, ленивым высшим обществом, чья скука находила отдушину в оккультном спиритизме или радикальных политических теориях. Ленинское революционное движение частично финансировали именно представители высшего класса - того самого высшего класса, который он преследовал и уничтожал, придя к власти. Но в те времена политика была для них чем-то новым - скорее, это была игра. Отвергнув традиционную православную культуру и благочестие, не желая принять гражданскую ответственность за свою страну, они просто зачахли бы в своем бездействии как сухая лоза, если бы случившаяся революция не смела их на своем пути.

(Были, однако, и исключения, и в годы I Мировой Войны аристократия дала примеры героического самопожертвования. Кроме самой Александры Феодоровны, трое ее ближайших родственниц - Великая княгиня Елизавета Феодоровна, сестра Императрицы, двоюродная сестра Императора Великая княгиня Мария Павловна, сестра Императора Ольга Александровна не только опекали военные полевые госпитали и медпункты, но и перевязывали раненых на фронте, иногда под огнем на поле боя.)

Расшатывание Монархии усилилось в самом начале первого десятилетия XX века. Трудности переходного периода страны, которая медленно становилась промышленной, нельзя не принимать во внимание, так же как и последствия двух больших войн в течение 10 лет. Русско-японская война нанесла стране существенный урон, и те, кто хотел радикальных перемен, использовали ее, как и I Мировую Войну, чтобы сплести паутину общественного недовольства.

В 1897 году Китай отдал России в аренду на 99 лет Порт-Артур - единственный тихоокеанский порт с незамерзающими водами; другой порт на Тихом океане, Владивосток, три месяца в году не принимал судов, так как вода покрывалась льдом. Николай II еще не был опытным государственным деятелем, и принял во внимание интересы тех, кто хотел скрытно распространить влияние России на Корейский полуостров; сразу был проложен участок железной дороги Транс-Сибирской магистрали через Манчжурию. Япония имела свой интерес к Порт-Артуру, и ее беспокоило слишком близкое соседство России в случае ее вторжения в Корею.

После тщетных попыток переговоров с Россией, Япония без объявления войны напала на Порт-Артур. Уверенная в быстрой победе, Россия ввязалась в войну, и восемнадцать месяцев спустя оказалась у стола

переговоров по случаю победы японцев. Российский флот был разбит, а настроения в обществе приняли угрожающий характер; страна очутилась перед лицом военных поражений и национального унижения.

Напряженная обстановка в стране заставила Николая Александровича предпринять шаги к политическим реформам, и он издает Октябрьский манифест, согласно которому в России появляется первый законодательный орган - Дума. Это был бесповоротный шаг к конституционализму. Так, по иронии судьбы, опрометчивая авантюра на Корейском полуострове стала ключом, отомкнувшим сокровищницу русской Монархии.

Но политические волнения витали в воздухе России не только по этим причинам. Во время массовых забастовок в январе 1905 года войсками была расстреляна демонстрация перед Зимним Дворцом. Этот кошмар Кровавого воскресенья будет преследовать Николая Александровича и Александру Феодоровну до конца жизни. Был пущен слух, что стрелять приказал лично сам Царь, и в течение последующих лет это послужило вдохновляющим призывом к революции.

Специалист в области русского языка и культуры Ричард Пайпс, профессор Гарвардского университета, рассказывает об этом в своей книге "Русская революция". Мирная демонстрация, назначенная на 9-е, имела целью представить Царю петиции, призывающие к политическим и экономическим реформам. Составленные с помощью Союза Освобождения - группы конституционалистов, до этого тайно встречавшихся с социал-революционерами во Франции, - эти петиции придавали политическую окраску жалобам, выдвигаемым рабочими союзами. Написанные в стиле, имитирующем крестьянскую речь, петиции обобщали первоначальные конкретные жалобы и недовольства. Поставив в известность Царя и министра, демонстранты

направились по главным улицам столицы, сделав остановку у Зимнего Дворца. Николай Александрович, которого советники уверили, что все будет в порядке, что никаких эксцессов не предвидится, возвратился к своим обязанностям в Царское Село.

Восьмого января П.Д.Мирский, министр внутренних дел, созвал Кабинет министров, чтобы решить вопрос о вооруженных пикетах, которым надлежало стоять цепью вдоль линии следования демонстрации у Дворца и других стратегических объектов. Атмосфера все накалялась, и в одиннадцатом часу, напуганные слухами о тысячах демонстрантов и возможной агитацией толпы социалистическими элементами, Кабинет вызвал войска как средство устрашения на тот случай, если события выйдут из-под контроля, с намерением применять силу лишь в самом крайнем случае.

Когда 120 000 демонстрантов приблизились, первые ряды остановились у дворцовых ворот, но, как и в трагедии Ходынки, огромная толпа насела сзади, и первые ряды смяли пикеты, а в некоторых местах демонстранты прорвались сквозь строй солдат. Сначала были даны предупредительные выстрелы, но солдаты, "не имея опыта справляться с толпой, реагировали единственным известным им способом - беспорядочно стреляли в надвигающуюся толпу". 200 демонстрантов были убиты и 800 ранены. Неделю спустя Царь Николай II сместил Мирского с поста министра.[60]

Угрозой России был нигилизм. Он начался как культурное течение, а затем перешел в политический принцип. Члены его были склонными лишь к разрушению. Позже нигилистов стали использовать те, кто в своем стремлении к радикальным реформам убивали тысячи людей, чтобы проложить путь своей социалистической утопии.

Летом 1906 года премьер-министр Столыпин повесил 600 человек за политический терроризм. Это намного меньше тех 1600 "губернаторов, генералов, солдат и деревенских полицейских, которых убили бомбы и пули террористов".

Два великих русских писателя отразили бессмысленную философию нигилизма в своих произведениях: Тургенев в "Отцах и детях" и Достоевский в "Преступлении и наказании", "Письмах из подземелья" и "Записках из мертвого дома", где ярко запечатлели настроения анархистов. Самой сокрушительной критике со стороны Запада подверглась карательная система Царизма. Слухи об огромном количестве казней породили популярную карикатуру на Царскую Россию: тысячи людей посылают на смерть, на виселицы, в сибирскую ссылку. По правде говоря, высшая мера наказания была отменена в России с середины XVIII века за все преступления, кроме политического терроризма и убийства. Крайние меры, предпринятые в 1906 году Столыпиным перед лицом развернутого терроризма, были отклонением от политики предыдущих десятилетий. Всего семьдесят три человека было казнено в XIX веке русским правительством - наверно, наименьшее число среди важнейших мировых держав.*[61]

Хотя система сибирской ссылки являлась не самой совершенной в каком-то смысле - были и крайности, как в любой карательной системе; однако, неверно считать, что в Сибирь ссылали только политических заключенных. Из всех, сосланных в Сибирь, 87 процентов

*В то время как один западный обозреватель замечает, что автократические режимы часто позволяют публиковать о себе только благоприятные отзывы, надо сказать, что Имперское правительство сообщало и о масштабах казней по политическим мотивам в первом десятилетии XX века. Понятно, что у каждого правителя были свои представления о правдивости. Обоснованность статистики обычно зависит от оценки доверия правителю и свободы от бюрократических подтасовок, которые разъедают современные правительства.

были осуждены за такие ужасные преступления, за которые в Европе, несомненно, подверглись бы более суровому наказанию, включая смертную казнь. По мере роста стачек и терроризма за период с 1905 по 1907 год количество сосланных политзаключенных увеличилось. Согласно одному источнику, 45 тысяч людей были высланы в административную ссылку за последние три месяца 1905 года. Хотя число их за этот период было, несомненно, выше, надо отметить, что эта оценка была опубликована в 1923 году, когда коммунистическое правительство уже начало свой резкий пересмотр истории. Как замечает один современный писатель, "пусть вас не смущает относительно мягкая политика прежних дней. Позже придут страшные концентрационные лагеря другого режима".[62]

Александр Тарсаидзе в своей книге "Цари и Президенты" дополняет картину:

"Попытайтесь вместо Сибири представить себе какой-нибудь малонаселенный западный штат, и суть системы ссылок станет яснее. Кто может сомневаться в том, что приговоренный к заключению в Левенворте* предпочтет деревеньку в пустынной Дакоте, если к нему может приехать семья и где он, если уж ему так захочется, сможет писать статьи, обвиняя в своих бедах американское правительство.

В биографии Ленина Валерий Марку описывает чистенькую комнатку в крестьянском доме, уставленную книгами, где Ленин и его невеста Надежда Крупская "могли любоваться из окна бескрайней степью, где ни звука, ни следа человеческого, лишь степной простор. Мерцали вдали белоснежные вершины гор Монголии, а в зимние утра, в летние дни глаза слепило от сияния света. Вот в таком приятном простом домике

*Левенворт - известная тюрьма в Америке для особо опасных преступников.

Ленин мог свободно писать свою главную работу "Развитие капитализма в России", которую он опубликовал в 1899 году, будучи все еще в ссылке. Оттуда он переписывался с друзьями в России. Имперское правительство не только не мешало его работе, а чуть ли не поощряло ее. Мадам Крупская в своих мемуарах раскрыла нам, что Ленин получал денежные пособия от правительства и мог не только платить за аренду дома, жить на эти деньги и нанимать слуг, но и ходить на охоту, на рыбалку, совершать поездки по окрестностям".[63]

В то время как революционное движение набирало силу, в правящие классы все сильнее проникал дух реформ. Может быть, если бы русская Монархия имела в запасе больше времени, а "народные" волнения не так хорошо организованы, Россия, возможно, избежала бы катастрофы - ленинской власти: убийств и репрессий миллионов людей.

Тем не менее, земельная реформа, улучшение условий труда и образования на время ослабили угрозу революции. И разве не ирония судьбы: чем больше попыток реформ предпринимало правительство, тем более приближалось падение Самодержавия. Ленин знал, что ему надо действовать быстро и решительно, пока его призывы не умерли на баррикадах. Понадобилось бы много томов, чтобы объяснить, почему победил Ленин и провалились попытки Царя править более гуманно и справедливо. Здесь можно лишь кратко изложить несколько причин тому, перечислив, что было предпринято.

Когда дед Николая II освободил крестьян в 1861 году, он не только попытался возвратить землевладельцам средства в виде субсидий и регулярных платежей от крестьян-собственников, но и разработал план освобождения. Однако, непредвиденные общественные потрясения скоро пресекли эти намерения, не дав им реализоваться.

Быстро росло население, разрушались устойчивые сельские социальные структуры, постоянно снижался спрос стараниями перекупщиков, завышавших цены, на ранее ходкий товар крестьянина - продукцию сельского хозяйства; теперь нужнее стали товары промышленного производства: одежда, предметы для домашнего хозяйства - все это легло тяжким бременем на миллионы бывших крепостных и тех крестьян, которые порвали с традиционным жизненным укладом, чтобы заявить права на свою собственную землю. В течение нескольких последующих десятилетий проблемы становились все острее, и никакие ответные действия правительства - выдача большого количества субсидий, пособий для переселенцев, аннулирование огромных сумм задолженностей - уже просто не могли изменить ход событий. Ситуация все ухудшалась, хотя к тому времени, как грянула революция, крестьяне были владельцами или арендаторами 90 процентов всей пахотной земли и 94 процентов домашнего скота. Их хозяйства просто не давали того постоянного дохода, который был им так нужен.*[64,65]

Во время пребывания Петра Столыпина на должности премьер-министра (1905-1911) земельная реформа была узаконена при поддержке Императора. До этого многие крестьяне были объединены в общины в своих родных селах, и каждый крестьянин владел участком общинной земли. Это давало ему право голоса на сельских сходках, а также призывало его к ответственности перед общиной. В это время крестьяне составляли около 4/5 населения России, сельские общины имели свои

---

*Хотя основной доход крестьян был скудным, Ричард Пайпс указывает, что массового голода при Царском режиме не было, несмотря на неурожаи и случаи голода в некоторых губерниях. Массовый голод впервые был при коммунистическом режиме и отягощался позорным искусственным голодом 20-х и 30-х годов.

суды и судей, избираемых сельскими сходками, которые имели право разбирать гражданские дела.

Согласно новым реформам, крестьянину разрешалось выходить из коллективных хозяйств и заявлять права на выделенную ему землю. Собственное землепользование поощрялось; с одобрения Царя много государственных земель было продано крестьянам через правительственные субсидии и низкопроцентные ссуды. Как надо поддерживать реформы, Николай Александрович показывал дворянам-землевладельцам личным примером. Распродавались большие участки пахотной земли - кабинетные земли Семьи Романовых. Столыпин пошел еще дальше и издал закон о принудительном отчуждении больших участков земель по смерти крупного землевладельца, к большому неудовольствию верхушки общества. Столыпина, человека, наверное, самых дальновидных взглядов того времени и способнейшего премьер-министра за все время правления Николая II, убили в 1911 году. (Примечательно, что после революции Ленин конфисковал в пользу государства все только что приобретенные крестьянами земли.)

В то же самое время правительство систематически принимало меры для облегчения труда рабочих на заводах и фабриках, постепенно освобождая их от тяжелых условий труда, какие были распространены на заводах Западной Европы в начале промышленной революции. В 1897 году был установлен 11,5-часовой рабочий день, а в 1905-1906 его снизили до 9-10 часов для большинства рабочих, для остальных же рабочий день стал 8-ми часовым.

К 1903 году всем владельцам фабрик и заводов вменялось в обязанность обеспечивать медицинский уход за рабочими и членами их семей и обучение грамоте рабочих и их детей. Еще до этого указания многие крупные землевладельцы добровольно создали у себя

подобные права. В 1912 году добавились компенсации и выплаты за инвалидность по усмотрению рабочей администрации. Как отмечает социолог Рут Руза, анализируя этот законопроект в своей работе в 1975 году, в нем было много существенных недостатков, но "в своем обеспечении рабочих медицинским уходом этот законопроект пошел значительно дальше того, что предлагала любая другая страна".[66,67]

Одним из самых трудных вопросов правления Николая II был еврейский вопрос. История евреев в России слишком длинная и сложная, чтобы изложить ее здесь. Отношение Царя к "погромам" можно видеть по его реакции на убийство Столыпина. Когда премьер-министр был убит в Киеве еврейским террористом, Николай II сразу же отреагировал, чтобы не допустить ответных действий; он немедленно приказал губернатору принять все меры, чтобы предотвратить возмездие, даже если для этого придется ввести войска.

Нет никаких доказательств личной враждебности Царя к евреям. Правда, существует его письмо к матери, в котором он выражает беспокойство по поводу большого числа евреев, участвующих в демонстрациях и беспорядках 1905 года. В России издавна существовали законы, ограничивающие права евреев. То, что Николай II не торопился изменить эти законы, исходило из боязни последствий стремительных социальных реформ в нестабильном обществе России.

Ко всему прочему, вопреки западному восприятию этих законов, сами по себе ограничения - как географические, так и социальные, не являлись непреодолимой стеной. В зависимости от политической и экономической обстановки в разные периоды истории России, все эти ограничения зачастую игнорировались. Во время Царствования Николая II в европейской части

России были евреи-промышленники, евреи-ученые, врачи, служащие. И в прежние века евреи также занимали высокие посты в правительстве.

Как бы то ни было, факты дискриминации евреев в Царской России как результат долговременной государственной политики дошли до нас в виде архивных документов. Немудрено, что их богоборчество и - в ответ - эта политика привели многих евреев в ряды нигилистов-революционеров. Причиной тому называли многие факторы такого характера, как экономическая и культурная изоляция, а также Церковь. В Православии содержится ряд ограничений против иудаизма, но Церковь не проповедует шовинизма.*

Еще одно, последнее, историческое недоразумение - политика Царского правительства в области образования. Есть общеизвестное представление об образе Царя-деспота, который умышленно держит своих подданных в невежестве и безграмотности. Царь Николай взошел на Престол в 1896 году. К этому времени немногим более четверти всего населения в возрасте более 10 лет могло читать и писать. (В 1897 году 27,8 процента могли читать и писать.) Широко распространено сравнение с более высокими европейскими данными, но оно не совсем справедливо, так как многие из жителей коренного населения Кавказа, Сибири и Средней Азии, все еще вели примитивный, полукочевой образ жизни, снижая общие Имперские показатели.

К 1908 году начальное образование могли получить все дети от 8 до 11 лет, а 9 лет спустя начальное образование стало обязательным и был разработан план об обязательном среднем образовании в стране к 1925 году.

---

*Вряд ли стоит сравнивать этнические и расовые виды насилия - и то, и другое не имеет оправдания. И все же отметим, что с 1881 по 1905 год при "погромах" в России уничтожено лишь 500 евреев, а в Америке - стране с намного меньшим населением - линчевали 3.334 негра и сочувствующих им.

К 1917 году в России, стране со 170-миллионным населением, число грамотных возросло в 2 раза. Половина населения страны могла читать и писать; вполне можно было ожидать, что к 20-м годам неграмотность исчезнет совсем.[68]

К началу I Мировой войны в России было 90 государственных университетов и колледжей. Получив поддержку Царского правительства, открывались "народные" или "свободные" университеты, которые, не будучи государственными, выдавали дипломы об окончании учебного заведения, оценивавшиеся весьма высоко. Одним из наиболее известных (хотя и не самым крупным) был Университет Шанявского. К 1913 году в нем было 6000 студентов, половина из них - женщины, что было выше показателей любого смешанного университета в Европе.

По инициативе губерний, уездов и частных лиц открывалось много школ для детей старше 11 лет и для взрослых; все школы были либо бесплатными, либо плата была низкой. Эти школы пользовались успехом и уважением и полностью соответствовали своему назначению.

В 1911 году в Российской Империи насчитывалось четыре Духовных академии, 57 семинарий, 184 духовных училища, 61 епархиальное училище, 13 женских училищ духовного ведомства, состоявших под Высочайшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Александры Феодоровны.

За время царствования Государя Николая II число студентов увеличилось на 400%. Поражает рост женского образования (с 1899 по 1914 годы количество женских гимназий с 54 102 увеличилось до 328 800 - на 507%). Анкета 1920 года, проведенная советами, установила грамотность 86% детей от 12 до 16 лет, начавших учиться при Царской власти.

Придя к власти, Ленин закрыл широкую сеть школ и университетов, а ведь они были учреждены рабочими, которые там преподавали и учились, и которых он пришел "освободить".

В своем ярком исследовании дореволюционной России Татьяна Браун пишет:

"Тогда как в России того времени весьма критически относились к своей системе образования, и особенно к той роли, которую играло в этом Правительство, иностранцы высоко отзывались о нем. Морис Баринг, обозреватель, долго живший в России, пишет в 1914 году, лишь за несколько лет до революции: "Обычный русский человек образованного среднего класса очень образованный - настолько лучше образованный, чем обычный просвещенный англичанин, что сравнение показалось бы неуместным". А в глазах американского специалиста, изучавшего пятьдесят лет спустя систему образования Царской России "остается очевидным, что какие бы недостатки ни существовали в других областях, в общем образовании Самодержавие сделало очень много полезного и разумного к тому моменту, когда военная катастрофа вычеркнула это образование из истории"".[69]

Глава V.
ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

Пахнет гарью четыре недели,
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Анна Ахматова

В 1905 году из-за забастовок и массовых политических волнений Император Николай II подписал Октябрьский Манифест о полуконституционном законодательном органе власти - Государственной Думе. Щедрые привилегии и льготы были обещаны Манифестом. Среди депутатов первой Думы были 191 крестьянин (39 процентов от общего числа), против 123 депутатов от дворянства, а также многие представители нерусских национальностей. Сэр Бернард Парес, английский военный атташе в России времен Первой Мировой войны вспоминает:

"Трудно представить себе более живописное сборище. Каждый из членов Думы был одет в платье своего сословия. Представители крестьянства и интеллигенции были одеты очень скромно. Здесь были и русские священники с длинными бородами и волосами, румынский католический епископ в скуфье, окантованной красным, разнаряженные казаки с Кавказа, башкиры, буряты в странных украшенных блестками азиатских одеждах, польские крестьяне в яркой военной форме, огромное количество степенных бородатых крестьян в высоких сапогах".[70]

Сначала из избранной народом Думы выделился Государственный Совет, высший законодательный

орган, половина из которого выбиралась, а вторую половину назначал Царь. Совет имел право вето на законы, издаваемые Думой. За Царем тоже оставалось право вето на законы, управление внешней политикой государства, решающий голос в вопросах обороны. Дума же полностью контролировала бюджет страны.

Первая Дума была закрыта правительством спустя 72 дня с начала ее работы, после того, как депутаты представили список требований, начиная от освобождения всех политзаключенных до немедленной отставки Царского кабинета. Они не давали говорить представителям правительства, создавая жуткий хаос на заседаниях своими криками.

Через несколько месяцев вновь выбранная Дума также была закрыта, когда представители радикалов потребовали, чтобы армия восстала и свергла правительство. За несколько заседаний Думы радикалы превратили законодательный орган в "сумасшедший дом воплей, оскорблений и скандалов".[71]

После неудач первых заседаний Думы правительство изменило избирательный закон, чтобы ввести в законодательный орган большее число землевладельцев и образованных мелкопоместных дворян, которые были более консервативны и осмотрительны. Они сумели начать работу как независимый орган. Постепенно взаимное недоверие между Думой и правительством сменилось уважением. Царь отмечал, что "эту Думу нельзя упрекнуть в попытках захватить власть, и с нею нет причин ссориться". Позднее он добавит: "Дума слишком резко начала, теперь она не торопится, стала лучше и более устойчива". Вероятно, Царь надеялся, что в конце концов обретет совещательный орган, с помощью которого он смог бы справиться со вторгающимся конституционализмом".[72]

Теперь очевидно: Богом было попущено появление представительного правительства. Николай Александрович

и Александра Феодоровна родились в ту самую эпоху, что возвещала конец Монархии. Они столкнулись с неотвратимостью современного политического мышления, которое требовало Учредительного Собрания. Уже само учреждение Государственной Думы в 1905 году фактически ознаменовало собой конец Самодержавия.

Теоретически Россия могла бы закончить конституционной Монархией, как Великобритания и другие Европейские страны, хотя это было бы пародией на Самодержавие, где власть Самодержца существует лишь как некий странный и призрачный символ, лишенный власти, принципов, ответственности, - всего, что несло смысл помазания на Царство.

Возможно, даже более, чем сам Николай Александрович, Александра Феодоровна знала, что предвещало появление Думы. Снова и снова она сожалела о начале конституционных перемен в стране. Она не раз повторяла, что за Самодержавие, унаследованное ее мужем, будет в ответе впоследствии их сын, и хотела, чтобы государство не ослаблялось, так что Алексей смог бы "быть хозяином самому себе, как и должно быть в России..."*

Мы можем указать только на двусмысленность их положения как помазанных на Царство правителей, которых увлек за собой поток политических событий, и выход здесь - либо нарушить клятву, либо дать разногласиям разорвать страну, которую они так любили.

Николай Александрович не высказывал свою точку зрения по этому поводу, однако, многое можно понять из его предостережения младшему брату, в пользу которого он отрекся от Престола, чтобы тот работал "в полном согласии с представителями народа,

---

*Следует, однако, упомянуть и о понятной и простительной человеческой слабости Августейших Правителей, думавших в минуты малодушия о возможности добровольного отказа от Самодержавия.

заседающими в законодательных органах власти". В любом случае, это было бы лучше, чем угроза гражданской войны, когда убивают русских, что и сделал Ленин в свое время. Но до конца своей жизни Николай Александрович будет спрашивать себя: "Правильно ли я сделал?" и "Лучше ли так для России?

"Выстрел, прогремевший на весь мир" и вызвавший Первую Мировую войну в 1914 году, также ускорил и падение Российской Монархии. Было ли это предчувствием грядущей беды или просто ненавистью Николая Александровича к войне, но он предпринял миротворческие шаги сразу по восшествии на Престол. Он не доверял хрупкому миру в Европе, основывающемуся на балансе военных союзов, и призывал к международной конференции по разоружению. Сначала многие лидеры мировых держав встретили это предложение насмешкой. Но позднее, в мае 1899 года, в Гааге собрались представители 26 стран, включая все ведущие державы. Причиной тому могло быть либо искреннее желание договориться, либо боязнь остаться не у дел.

Хотя призыв России к разоружению был отклонен большинством голосов, участники конференции выработали мировое соглашение по решению международных споров - предвестник Организации Объединенных Наций, и сам Николай Александрович свой спор с Британией в 1905 году решал согласно Гаагской конвенции. Накануне I-й Мировой войны Царь просил Австрию и Сербию уладить свои противоречия в Гааге, чтобы избежать катастрофы, но его предложение было отвергнуто.

К несчастью, Россия вступила в войну 1914 года плохо подготовленной. Не хватало всего: пушек, оружия, транспорта. Десятилетием раньше русский флот был истреблен в русско-японской войне. Единственная сила России - это миллионы людей, которых она

могла призвать под ружье. Все это Николай знал в 1911 году, когда он сказал одному из иностранных послов, что об участии России в войне не может быть и речи в течение ближайших 5-6 лет. Но три года спустя его ввели в заблуждение бойкие утверждения генералов, говоривших, что военного снаряжения уже вполне достаточно.

Так, когда Царский военный министр Сазонов предупредил Императора в конце июля, что он больше не может откладывать мобилизацию, Николай уже чувствовал, что вопрос не в том, сможет ли Россия защитить себя; теперь это был вопрос совести для него как правителя: должна ли вообще Россия ввязываться в кровопролитную войну. Бледный и взволнованный, он предупредил Сазонова: "Подумайте, какую ответственность Вы предлагаете мне взять на себя. Помните, что означает послать сотни тысяч русских людей на смерть". Неохотно, но с убеждением, что поступает правильно в защиту Православной Сербии, он дал приказ о мобилизации. Спустя два дня Германия объявила войну.

Палеолог, французский посол, пишет в своем дневнике: "Итак, жребий брошен. Роль здравого смысла в правительствах государств так невелика, что понадобилась всего неделя, чтобы дать разразиться мировому безумию! Не знаю - история даст оценку дипломатической операции, в которой я принимал участие вместе с Сазоновым и Бьюкененом;* но все мы трое имеем право заявить, что мы сознательно сделали все, что было в нашей власти, чтобы спасти мир, не жертвуя, однако, ни одним из наших государств и сохраняя независимость и честь наших стран".[73,74]

Объявление войны произвело ошеломляющий эффект. На какое-то время русские люди объединились

*Сазонов - русский министр иностранных дел, Бьюкенен - английский посол, Палеолог - французский посол - представляли союз России, Англии и Франции в I Мировой войне.

вместе, изливая патриотические чувства в поддержку своего Правителя. Перед лицом угрозы из-за рубежа приутихли массовые забастовки, столь многочисленные в предыдущем году, подогреваемые агитацией как либералов, так и радикальных революционных группировок.

Александра Феодоровна со всем присущим ей пылом принялась за новые хлопоты. Она оказывает помощь по распределению средств на нужды войны, организовывает медицинские пункты, приспосабливает под госпитали все дворцы, которые только было возможно; Петровский и Потешный в Москве, а также Николаевский и Екатерининский были первыми переоборудованы для этих целей. В дворцовом госпитале она со своими дочерьми организовала курсы сестер милосердия и сиделок. К концу года под ее опекой было уже 85 военных госпиталей и 10 санитарных поездов. В начале войны она приказала сделать ко дворцам пристройки, чтобы разместить там жен и матерей госпитализированных солдат, а также организовала пункты в Санкт-Петербурге для изготовления перевязочного материала и медицинских пакетов, где работали женщины разных классов.

Анна Вырубова пишет:

"Помню, что тогда мы были единственными сестрами милосердия, которых обучали медицинскому делу. Приходили в госпиталь сразу после Литургии к 9 утра и шли прямо в приемный покой, где лежали раненые, поступившие после оказания им первой помощи в окопах и полевых госпиталях. Их привозили издалека, всегда ужасно грязных и окровавленных, страдающих. Мы обрабатывали руки антисептиками и принимались мыть, чистить, перевязывать эти искалеченные тела, обезображенные лица, ослепшие глаза - все неописуемые увечья, которые на цивилизованном языке называются

война. Я видела Императрицу России в операционной госпиталя: то она держала вату с эфиром, то подавала стерильные инструменты хирургу, помогая при самых сложных операциях, принимая из рук работающего хирурга ампутированные руки и ноги, убирая окровавленную и порою завшивевшую одежду, перенося все зрелища, запахи и агонии этого самого страшного места - военного госпиталя в разгаре войны. Она была неутомима и делала свою работу со смирением, как все те, кто посвятил свою жизнь служению Богу. Семнадцатилетняя Татьяна была почти так же искусна и неутомима, как и мать, и жаловалась только, если по молодости ее освобождали от наиболее тяжелых операций. Императрицу не оберегали от трудностей, да она и сама этого не позволяла. Думаю, никогда я не видела ее более счастливой, чем в тот день, когда она, после двух месяцев интенсивного обучения, шествовала во главе процессии сестер милосердия для получения красного креста и диплома военной медицинской сестры. С того самого времени буквально вся наша жизнь была посвящена тяжелому труду. Мы вставали в 7 утра, часто поспав час или два после ночного дежурства. Императрица не чуралась абсолютно никакой работы. Случалось, хирург сообщал несчастному солдату о предстоящей ампутации или об операции, которая может окончиться фатально; солдат поворачивался и кричал с мукой в голосе: "Царица! Постой рядышком. Подержи меня за руку, чтобы я смелее был". Кто бы это ни был - офицер или молодой солдат-крестьянин, она всегда спешила на зов. Положив раненому руку под голову, она говорила ему слова утешения и ободрения, молилась с ним, пока готовились к операции, ее милосердные руки помогали при анестезии. Люди обожали ее, ждали ее прихода, протягивали свои перевязанные руки, чтобы дотронуться до нее, когда она проходила, улыбались ей,

когда она опускалась на колени у постели умирающего с прощальными словами молитвы и утешения".[75]

В своих письмах из ссылки Александра Феодоровна пишет, что она видела себя не только Императрицей, но и матерью России, матерью всех ее людей. В начале войны она взяла на себя труд прикреплять маленькие образки к цепочкам, чтобы каждый солдат мог получить что-либо, сделанное ее руками. Она занималась этим всю войну во время деловых встреч и кратких минут отдыха. На фронт ушло 15 миллионов человек, и хотя мы не знаем, сколько таких образков она сделала, но заниматься такой работой было характерно для Александры Феодоровны.

Многие из аристократических кругов критиковали ее за работу по уходу за ранеными, считая, что это ниже ее достоинства. Александра Феодоровна писала в письме:

"Некоторым может показаться, что мне не обязательно это делать, но я не просто присматриваю за госпиталем и помогаю насколько возможно, ведь от этого - только добро, сейчас на счету каждый человек. Это отвлекает людей от грустных мыслей".[76]

Сестре Виктории она пишет в 1915 году:

"Только что умер на операционном столе офицер. Очень тяжелая операция прошла удачно, а сердце не выдержало. Тяжело в такие моменты, но мои девочки должны знать жизнь, и мы через все это идем вместе".[77]

Александра Феодоровна, ухаживая за ранеными, лучше знала разрушительную работу войны, чем ее муж; как главнокомандующий, он не так уж часто бывал на передовой линии фронта.

Современные авторы беспечно продолжают описывать Александру Феодоровну как самовлюбленную и избалованную - будто бы до того, как разразилась война, она вставала с постели только поздно утром, и почти

никто не упомянет о том, что это делалось по предписанию врача, поскольку у нее было больное сердце. И напротив, когда она, не взирая на слабое здоровье, во время войны начала ухаживать за ранеными, чьи страдания были неизмеримо более тяжелы, чем ее собственные, Императрицу стали обвинять в импульсивности и истеричности. К концу 1914 года такая изматывающая работа дала себя знать, и она несколько недель не вставала с постели. К 1916 году Александра Феодоровна была окончательно изнурена.

После нескольких побед в начале войны стала мучительно очевидна бедность российского арсенала. Более того, России приходилось транспортировать людей и поставки для фронта, преодолевая огромные расстояния - в четыре раза больше, чем Германии, в которой общая длина железных дорог была в 10 раз больше. Тем не менее, русская армия неумолимо атаковала врага, чтобы отвлечь на себя немецкие войска от зажатой в тиски французской армии. Бросив все свои "неограниченные" ресурсы в войну, Россия понесла ошеломляющие потери.

К августу 1915, когда немцам сдали Варшаву, потери людей и нехватка военной техники стали критическими. Надеясь поднять моральный дух армии, Николай II принимает на себя роль главнокомандующего и едет на линию фронта.

Впоследствии роль России в I-й Мировой войне будет игнорироваться и даже высмеиваться бывшими союзниками. И вот одинокий голос в защиту Николая II как главнокомандующего фронтом.

Уинстон Черчилль, 10 лет спустя:

"Это лишь мода того времени - представлять Царя как недальновидного, испорченного, некомпетентного

тирана, но обзор 30-месячных военных действий с Германией и Австрией должен исправить эти неточности и выявить основные факты. Мы можем мерить силу Российской Империи по битвам, которые она вынесла, по бедам, которые она претерпела, по несокрушимым силам, которые она развила в себе и по тому, как она возрождала себя. В правительствах государств, когда происходят великие события, глава народа, кто бы он ни был, признается ответственным за неудачу, и лишь в случае успеха его оправдывают. Что до того, чьим трудом это было достигнуто и спланировано, - упреки или похвала достаются высшему представителю власти. И с какой стати Николай II должен быть исключением из этого жестокого правила? Он сделал много ошибок? А какой правитель их не делал? Он не был ни выдающимся военачальником, ни великим правителем. Он был лишь обыкновенным честным человеком, нормальных человеческих способностей, милосердным, имеющим крепкую веру в Бога и во всем полагающимся на Него. Но главная тяжесть основных решений лежит на нем. На встречах на высшем уровне все проблемы сводятся к "да-да" и "нет-нет", но когда обстоятельства переступают границы способностей человека и случается нечто непредсказуемое - отвечать должен он. Он - как кончик иглы компаса. Война или мир? Наступать или отступать? Вправо или влево? Демократия или жестокий режим? Бросить или сохранить? Таковы были поля сражений Николая II. Отчего же он не заслужил награды, сражаясь на них? Вот знаменитое наступление русских войск 1914 года, спасшее Париж; вот удалось справиться с агонией отступления полувооруженной армии; постепенное накапливание сил; победы Брусилова; наступление в кампании 1917 года - непобежденная, сильнее, чем прежде, армия; и что? все это без его участия? Несмотря на ошибки - огромные, ужасные, тот режим,

что он представлял, осуществляя руководство страной, вкладывая живую искру своего личного участия, - именно это выиграло войну для России в то время.

Вот он почти сражен. Темная рука в перчатке глупости теперь вступает в дело. Царь в ссылке. Предавайте его и все, что он любил, мукам и смерти. Умаляйте его достижения, порочьте его поведение, оскорбляйте его память; но остановитесь и скажите нам - кого вы нашли лучше? Кто или что поведет за собой Российское государство? Люди талантливые и смелые, люди амбициозные и жестокие, силы дерзкие и напористые? Этих всегда хватало. Но никто не сможет ответить на простые вопросы - какая судьба, какая жизнь ждет Россию?"[78] Будучи на фронте и не имея возможности заниматься внутренними делами государства, Николай Александрович нуждался в человеке, который мог бы осуществлять надзор за текущими делами и заниматься внутренней политикой. И все чаще Николай Александрович обращался за помощью к Александре Феодоровне. В течение многих лет участие Царицы в делах государства сводилось к воспитанию детей - особенно Царевича, делам милосердия и заботе о своем слабом здоровье. Но теперь она откликнулась на призыв мужа и, сделав сначала несколько робких шагов, она в дальнейшем приобретает доверие, работая с министрами, и побуждает их к переменам, которые считает необходимыми. Правление Александры Феодоровны носило неофициальный характер, хотя в России было принято передавать бразды правления Царице в случае временного отсутствия супруга.

Николай Александрович часто писал, подбадривая ее: "Будь моими глазами и ушами там, в столице, пока я здесь. Тебе надо только сохранять мир и согласие среди министров - этим ты окажешь огромную услугу и мне, и нашей стране".[79]

Александра Феодоровна понимала свою неопытность в ведении государственных дел, и часто в ее письмах к мужу сквозила неуверенность, она просила прощения, боясь, что ее предложения были наивны и самонадеянны. Николай Александрович отвечал: "Мне не за что прощать тебя - наоборот, я глубоко благодарен тебе за помощь в продвижении такого серьезного дела".[80]

Все же, спустя некоторое время, Александра Феодоровна теряет свою популярность среди придворных. Ее неофициальное правление словно подлило масла в огонь, превратив пламя в пожар.

Глава VI.
ИМПЕРАТРИЦА И РАСПУТИН

Царствовать - значит быть всемогущим, но не иметь друзей.
Шелли

Глубокая неприязнь к Императрице со стороны прогрессивного общества была вызвана ее дружбой с Распутиным и тем влиянием, которое он, предположительно, оказывал на нее и Николая II. Описываемый здесь портрет весьма далек от известного всем образа Распутина, и составлен, насколько это возможно, на основании достоверных источников, но даже при всем этом полная правда о нем ускользает от нас. Тот, кто попытается по своему собственному предубеждению либо реабилитировать Распутина, либо предать его проклятию, вынужден будет не принимать во внимание множество противоположных мнений.

Григорий Распутин не был ни священником, ни монахом; он был почти неграмотным странником, родом из Сибири. С согласия жены он ушел из своей деревни странствовать по святым местам - в то время это было распространенным явлением среди русских крестьян. Как свидетельствует дочь Григория Распутина, Мария, он еще ребенком обнаружил в себе природный дар прозорливости. Когда Григорий стал старше, исцеления по его молитвам сделали его известным в родных местах. В 1903 году Распутин появился в Санкт-Петербурге и был представлен в аристократических кругах благодаря своей известности странника и прозорливца. Затем, в 1905 году, его представили Императору и Императрице в доме одного из родственников

Царской Семьи, а позднее пригласили в Царское село - рассказать о своих странствиях.

Великая княгиня Ольга Александровна, сестра Николая II, рассказывает: "Он не был ни святым, ни дьяволом. Для Ники и Аликс он оставался тем, кем был на самом деле - крестьянином с крепкой верой в Бога и даром исцеления. В его встречах с Императрицей не было ничего мистического - все это плод воображения людей, никогда не встречавших Распутина во Дворце. Некоторые даже превратили его в приближенное лицо. Другие называли его то монахом, то священником. Он же не занимал никакого положения при Дворе или в Церкви, и не было в нем ничего привлекательного или захватывающего, как считали люди, кроме несомненного дара исцеления. Он был простой странник".[81]

Да, у Распутина было трудное прошлое, он искренне признавал свои грехи и говорил, что ему есть в чем каяться на исповеди. С самого начала его появления в обществе, отец Иоанн Кронштадтский и архимандрит Феофан, духовник Царской Семьи, говорили, что чувствовали его искренность.

Ольга Александровна добавляет:

"Важно не забывать, что и Ники, и Аликс были полностью осведомлены о прошлом Распутина. Абсолютная неправда, что они почитали его за святого, не способного на зло. Повторяю снова, я имею право говорить это: не дурачил их Распутин, и не было у них никаких иллюзий насчет него. Беда в том, что люди не знали правды, а положение Ники и Аликс не позволяло им пускаться в оправдания по поводу обрушившейся на них лжи".[82]

Великая княгиня Ольга Александровна лично была далека от благорасположения к Распутину. Ей он никогда не нравился, но она чувствовала, что "интересам истории нельзя служить с пристрастной позиции". Ей

самой его дремучая крестьянская суть не внушала положительных чувств, и она редко видела его.

Когда стало известно, что Распутин принят во Дворце, его репутация сильно возросла, и многие стали пытаться использовать его для удовлетворения собственных амбиций. Его засыпали просьбами походатайствовать перед высокими покровителями, поскольку считалось, что он имеет на них влияние, предлагали подарки, чтобы достичь ответной милости, но Распутин ничего не просил и не брал для себя. Даже мебель в небольшой квартире, которую он снял для себя и двух дочерей, была взята в аренду. Через его руки проходили огромные суммы денег, но доподлинно известно, что большую часть он отдавал бедным. Есть свидетельство о том, что Распутин умер нищим, что у него не осталось ничего, кроме Библии, одежды и нескольких маленьких подарков от Императрицы. Это было недавно оспорено одним автором, - он сообщает, что у Распутина на счету в Тюменском банке было 150 000 рублей. Это обвинение безосновательно - семья Распутина не получала денег со счетов банка, разве что для них была пожалована какая-то сумма после его смерти.[83]

Скорее всего, отношения Распутина и Царской Семьи не шли дальше вечерних его рассказов, если не считать периодических приступов болезни Алексея. Однажды в 1907 году в Царском Селе во время особенно тяжелого приступа Алексей упал в саду. Как и в прежних случаях, нога в месте удара сильно распухла, удар при падении вызвал внутреннее кровотечение, и через несколько часов Наследник корчился от невыносимой боли. К полуночи врачи не оставили родителям никакой надежды: кровотечение остановить не удавалось. Александра, отчаявшись спасти жизнь сына, попросила молитв Распутина.

Ольга Александровна пишет:

"Он приехал во Дворец около полуночи или даже позднее. Я к этому времени ушла к себе, а рано утром Аликс позвала меня к Алексею. Я глазам своим не поверила. Мальчик был не только жив - у него был здоровый вид. Он сидел в постели, температура нормальная, глаза ясные, и не следа опухоли на ноге. Вчерашний ужас стал бесконечно далеким кошмаром. Позже я узнала, что Распутин даже не дотронулся до ребенка, а просто стоял у постели в ногах и молился. Конечно, тут нашлись люди, утверждавшие, что молитва Распутина просто совпала случайно с выздоровлением моего племянника. Но прежде всего - любой доктор подтвердит, что такие сильные приступы не проходят за какие-то несколько часов. Во-вторых, такое совпадение могло быть, скажем, раз или два, но я даже не могу сосчитать, сколько раз повторялись такие случаи".[84]

Подобный случай - второе, почти смертельное кровотечение, произошел в Спала, в Польше. Приехать Распутин не мог, но прислал телеграмму: "Господь услышал твои молитвы и видел твои слезы. Не печалься, не умрет дитя". Вопреки приговору медиков, Алексей поправился вскоре после получения телеграммы.

Ольга Александровна с горечью вспоминает, какой вал клеветы поднялся вокруг Александры Феодоровны из-за того, что она верила в увиденное своими собственными глазами:

"Все они накинулись на мою бедную невестку сначала за то, что по ее вине наследник родился больным, а потом за то, что она пыталась найти средство от его болезни. Справедливо ли это? Ни мой брат, ни Аликс не верили, что этот человек наделен сверхъестественной силой. Они видели в Распутине /.../ крестьянина, чья глубокая вера обратила его в инструмент воли Божией, который мог быть использован только в случаях

болезни Алексея. Аликс сама страдала невралгией и болезненным ущемлением нерва, но я никогда не слышала, чтобы /он/ помогал ей".[85,86*]

Не только Алексею помогали молитвы Распутина. И маленький сын Лили Ден, и Анна Вырубова были на краю смерти из-за опасной болезни; он приходил, молился об их исцелении, и они были спасены. Согласно свидетельству баронессы Буксгевден, премьер-министр Столыпин, проницательный, умный государственный деятель, призывал Распутина помолиться у постели своей дочери, когда взрывом бомбы террориста, метившего в самого Столыпина, она была тяжело ранена и искалечена. И это при том, что личная антипатия Столыпина к Распутину была общеизвестна.[87]

Но не исцеления Распутина волновали общественное мнение: словно осиное гнездо, оно было растревожено слухами о его пьянстве и развратничестве, необоснованно примешивая сюда даже самих Царя и Царицу. О Распутине и Александре Феодоровне, а иногда даже и о самом Царе, ходили нелепейшие слухи. Те, кто близко знал Царицу, полностью игнорировали все это, - к несчастью, таких было меньшинство.

Частые посещения Дворца Распутиным - явное преувеличение. Согласно свидетельствам тех, кто знал это наверняка, Великой княгини Ольги Александровны, баронессы Буксгевден, Лили Ден, Пьера Жильяра и Анны Вырубовой, он на самом деле бывал во Дворце

---

*Мария Распутина, дочь Григория Евфимовича: "Мой отец не обращал внимания на тех, кто прославлял его "чудеса", ставя его в один ряд со святыми. Он считал все, что он делает, совершенно естественным. "Надо только Бога просить, молитва - она все может", - говорил он. Никогда, - повторяю, - никогда отец не лечил никого иными средствами, кроме молитв, и никогда не впадал он в грех гордости, воображая себя наделенным какими-то сверхъестественными силами, не называл он себя и "избранником Божиим". "Нет святых на земле, - говорил он, - пока живет человек, он и грешит"".

редко; в первые годы после своего представления ко Двору примерно раз в месяц, потом и того реже. Баронесса Буксгевден пишет: "Я жила в Александровском дворце с 1913 по 1917 год, моя комната была рядом по коридору с детской. Ни разу я не видела Распутина в обществе Великих княжон. Месье Жильяр, который тоже жил во Дворце несколько лет, напишет в своих мемуарах, что видел Распутина во дворце только один раз.[88]

О пресловутой аморальности Распутина написано множество книг - возможно, больше, чем вообще о дебошах какого-нибудь человека. Насколько это правда - трудно судить; слишком все переплелось в клубах сплетен, клеветы, нездорового интереса, которые окружали Трон. Самые злобные ненавистники Распутина обладали столь же дурной репутацией, что и та, которую они создали ему, но это были люди, словам которых верили: князь Феликс Юсупов, которого мы уже упоминали, Труфанов, поврежденный умом расстрига, который после убийства Распутина пытался очернить Александру Феодоровну своими безосновательными утверждениями о связи Царицы с крестьянином, который на самом деле так горячо молился об исцелении ее сына. Царица никак на это не реагировала, и тогда он нашел в Нью-Йорке издателя, опубликовавшего его записки и столь же мало заинтересованного в истине, как и сам Труфанов.*[89]

Третьим основным источником негативных свидетельств о Распутине был Рене Фюлоп Миллер. Сам он не был враждебно настроен по отношению к Распутину, но неразборчиво цитировал свидетельства о нем

---

*После революции Труфанов представил большевикам план предания Церкви в их руки в обмен на обещание сделать его "русским папой". Большевики не приняли его во внимание, и он окончил свою жизнь привратником баптистской церкви в Нью-Йорке.

безотносительно причин поступков и характеров свидетелей. С тех пор этот метод стал называться в литературе "распутинизм" - то есть как бы беспристрастное справедливое изложение материала при полном игнорировании достоверности источников.

Принимая во внимание сложности Русского Двора и общества, трудно проследить начало массового интереса к личности Распутина. Столь же трудно определить и причину такого внимания к нему. Основной фактор - его предполагаемое влияние на Царя и Царицу. Это сделало Распутина козлом отпущения за все - начиная от бед в стране, до мелочной ревности и амбиций высшего сословия. Одни слухи порождали другие, разжигая пожар, угли которого тлеют до сих пор.

Многое из компрометирующих свидетельств дошло до нас из досье тайной полиции, которая следила за его квартирой ежедневно в течение многих лет. Подобным образом они поступали со многими видными деятелями. Когда один такой особо непристойный доклад принесли на рассмотрение Николаю II, он обнаружил, что один из отчетов был фальсифицирован полицией, велел прекратить дело. Другие он рассматривал, затем вызывал Распутина для объяснения, и, по крайней мере, дважды настоятельно требовал, чтобы тот возвратился в Сибирь или вообще покинул страну на время. Некоторые уважаемые общественные деятели из духовенства и видные государственные деятели, такие как Петр Аркадьевич Столыпин, открыто презирали Распутина, не скрывая своего отвращения.

При всем том, что у Распутина не было явных защитников, были те, кто видели его совсем другим. Анна Вырубова дает ему свою оценку. Когда он появился у нее и Императрицы, это был проницательный благочестивый крестьянин, который не только имел дар

молитвы, но и представлял мнение крестьян, а именно это мнение и хотели услышать Николай Александрович и Александра Феодоровна. Лили Ден добавляет: "Возможно, многое из личной жизни Распутина было не таким, как должно, но я торжественно заявляю, что ни разу мы не видели чего-либо неподобающего в его поведении и манерах, не слышали ни одного дурного слова, когда он был с нами в Царском Селе".[90]

Мария Распутина, естественно, старается смягчить память об отце в книге, которую она написала. Это и понятно. Но, допуская, что в последние годы своей жизни Распутин пристрастился к вину и, возможно, любовным интрижкам, она настаивает на том, что в их маленькой комнатке никогда не происходило ничего компрометирующего и что причиной выпивок было напряжение, вызванное негативным общественным мнением.[91]

Есть еще несколько разрозненных голосов в защиту Распутина. Один из них - Жерард Шелли, автор мемуаров "Пестрые купола". Англичанин, путешествовавший по России в 1913 году, Шелли из любопытства сам познакомился с Распутиным, а потом пошел на званый вечер, где, как он знал, будет и Распутин. Как пишет Шелли, это были, по всей видимости, проводы офицеров, снова возвращающихся на фронт - событие, к которому Распутин относился с сочувствием. Шелли говорит, что он видел, как Распутин отказался от вина и вообще от спиртного, затем встал и с отвращением вышел, когда пришли цыгане, которых пригласили танцевать для развлечения. Шелли тоже вышел и спросил, можно ли с ним пройтись немного. В ответ Распутин говорит:

"Господин," - схватив мою руку своей мощной хваткой. - "Грустно! Как печально! Как грустно за Россию! Вера и благочестие покинули душу. И воет она как волк

у ворот вымершей зачумленной деревни, пугая честных людей. Россия гибнет".

Шелли добавляет:

"Живя недалеко от Распутина, я имел много возможностей, чтобы изучать его взгляды, наблюдать его манеры. Он очень часто приглашал меня к себе на чай. Из всех безобразных историй, которые рассказывали о нем, я не верил ни одной, потому что не было ни единого доказательства в поведении этого человека, чтобы оправдать подозрения в его злых делах. Стоит только вспомнить подлые, вероломные, гнусные россказни об Императрице и ее дочерях, которые изобретало испорченное общество из чистой злобы, а также целый сонм выдумок, чтобы понять, как низко пало это общество".[92]

Тем не менее, некоторые из самых ярких свидетельств против Распутина исходят от Великой княгини Елизаветы Феодоровны, сестры Императрицы, и архимандрита Феофана, одного из духовников Царской Семьи, глубоко почитаемого православными ректора Санкт-Петербургской Духовной академии: известны их попытки предостеречь Александру Феодоровну. После того, как муж Великой княгини Елизаветы Феодоровны был убит политическим террористом, она создала и возглавила сестричество милосердия. Имеется, по крайней мере, одно свидетельство о том, что она лично предостерегала Александру Феодоровну, насколько серьезны слухи о влиянии Распутина на Императора и Императрицу. То ли у нее были серьезные доказательства относительно искренности этих слухов, то ли она просто опасалась их последствий - неизвестно. Есть цитата, приписываемая ей, о попытке Распутина разъединить ее с Александрой Феодоровной и Николаем Александровичем, но это, похоже, не из первых рук, и потому сомнительно.[93]

Императрицу и епископа Феофана связывала душевная дружба, и есть сведения о том, что Распутин был причиной охлаждения их отношений. Как и любой церковный человек, епископ Феофан поначалу верил в искреннее раскаяние Распутина в прошлых грехах и в то, что его проникновенные поучения были простыми и шли от всего сердца. Позже он думал, что Распутину не удалось жить трезвой и благочестивой жизнью в столице, где его окружило множество соблазнов.

До этого епископ Феофан, по просьбе Императрицы, ездил за сотни километров в село Покровское в Сибири, где жил раньше Распутин, чтобы узнать о его прошлом. Отчет о поездке был доброжелательным, однако через несколько лет его взгляд на Распутина изменился, и в 1911 году он обратился к Синоду с официальной жалобой Императрице на поведение Распутина. Епископы Синода отказали в рассмотрении прошения, сославшись на то, что считают это его личным делом как духовника Царицы. Живя в Крыму, во время летнего пребывания там Царской Семьи, он навестил Александру Феодоровну в ее летнем дворце в Ливадии осенью 1911 года. Они говорили полтора часа. Императрица его выслушала, но убедить ее он не смог. Полгода спустя епископа Феофана направили в Астрахань, и многие думают, что причиной тому послужило недовольство Александры Феодоровны из-за его доклада, хотя прямых доказательств тому нет. Как и в случае с Великой княгиней Елизаветой Феодоровной, можно задать вопрос, не был ли епископ Феофан просто обеспокоен растущими сплетнями и скандалом, - вряд ли человек его положения поверил бы во все это, не убедившись в достоверности слухов, распространяемых по столице, коли уж он в свое время ездил в далекую Сибирь за информацией из первых рук.

После падения Царской власти в 1917 году комиссия Временного правительства допрашивала епископа

Феофана об отношениях Императрицы и Григория. Он отвечал:

"У меня никогда не было и нет никаких сомнений относительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений. Я официально об этом заявляю, как бывший духовник Государыни. Все отношения у нее сложились и поддерживались исключительно только тем, что Григорий Евфимович буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого сына, Наследника Цесаревича, в то время как современная научная медицина была бессильна помочь. И если в революционной толпе распространяются иные толки, то это ложь, говорящая только о самой толпе и о тех, кто ее распространяет, но отнюдь не об Александре Феодоровне..." "Он (Распутин) не был ни лицемером, ни негодяем. Он был истинным человеком Божиим, явившимся из простого народа. Но под влиянием высшего общества, которое не могло понять этого простого человека, произошла ужасная духовная катастрофа, и он пал. Окружение, которое хотело, чтобы это случилось, оставалось равнодушным и считало все происшедшее чем-то несерьезным".[94]

На все нападки у Александры Феодоровны был один ответ: "Они его ненавидят за то, что он любит нас". И это замечание не было лишено основания. Императрица видела, что многие их друзья клеветали на Распутина именно потому, что они были ее друзьями. В.Н.Воейков, последний комендант Царскосельского дворца, добавляет: "Трудно найти ответ на эти доводы, потому что и Император, и Императрица все больше убеждались - и не без оснований, - что любой приближенный к ним человек, пользующийся их доверием, обязательно должен пасть жертвой лжецов и завистников".[95]

Княгиня Екатерина Радзивилл, не питавшая симпатий ни к Императрице, ни к Распутину, писала после революции:

"Будь то не Распутин, все равно кто-то или что-то другое нашлось бы, чтобы дискредитировать Царя и его супругу. Революция витала в воздухе задолго до того, как она разразилась".[96]

Октябрьский манифест снял оковы цензуры с российской прессы, что должно было привести к "славной эре" свободы слова, и она превратилась в журналистскую помойную яму. Для многих центральных газет чистота речи перестала являться предметом, достойным внимания.*

Почти каждый день в газетах стали появляться вымышленные злобные истории о мнимых встречах Императрицы и Распутина. В какой-то момент Николай II приказал газетам прекратить печатать эту клевету под угрозой штрафа, но, стремясь удовлетворить разгоревшийся аппетит публики, который они сами возбудили, издатели продолжали печатать эти непристойные выдумки, охотно выплачивая штрафы из своих огромных прибылей. Верный своему обещанию, Император не сделал ни одной попытки закрыть газеты.

И не только по отношению к Императорской Семье газеты были безответственны. Многие из них, спекулируя на внимании общества к событиям в стране и к военным действиям, беззаботно печатали непроверенные факты, или, что того хуже, умышленно искажали их для того, чтобы повысить спрос. Вспомним, что Николай Александрович и Александра Феодоровна раньше справедливо боялись поднять планку свободы, поскольку честно пользоваться ею люди не умеют. Уровень понимания не позволял отличать реальную информацию от провоцирующих скандал сенсаций, когда

---

*В 1898 году в России было 123 газеты. К 1913 году, через 10 лет после Императорских реформ Октябрьского манифеста, их насчитывалось уже 1158.

писали о высшем обществе. И неудивительно, что такие статьи ложились в основу революционных идей в умах русских людей.

Однако, остается вопросом, почему же Николаю Александровичу и Александре Феодоровне постоянно приходилось сомневаться в том, что писали те, кому они доверились?

Может быть, дело было в их взгляде на дружбу и на Царское достоинство. В личной жизни Александры Феодоровны были особые области, которые она никогда не уступала общественному мнению: Семья, вера, друзья. Ее часто критиковали за дружелюбное отношение к людям иного класса. К тем, чья искренность завоевала ее любовь, Александра Феодоровна относилась с неизменной преданностью. И она, и Николай Александрович уже привыкли к тому, что все, к кому они проявляют доброе отношение, сразу становились жертвами сплетен и клеветы. Чем фантастичнее были россказни, тем больше Царь и Царица считали, что на Григория клевещут из-за его общения с ними. До тех пор, пока они сами не почувствуют, что друзья предали их, они не оставляли их первыми".

Лили Ден в своих заметках утверждает вещи, явно противоположные басням о связи Распутина с Царской Семьей, описывающие зависимость Царицы от него.

В 1916 году Императрица прислала телеграмму. В ней она приглашала Лили приехать в Царское Село:

"Я нашла ее печальной, одинокой и явно встревоженной. Она не сразу стала говорить о том, что наболело у нее на сердце, а потом вдруг рассказала, как трудно ей переносить все то неприятное, что говорят о ней люди. "Я знаю все, Лили, - сказала она. - Зачем Григорию останавливаться в Петрограде? Император не хочет этого. Я не хочу. Но не можем же мы вот так просто

бросить его - он же ничего плохого не сделал. Ну почему он сам не видит свое безумие?"

"Я сделаю все, что в моих силах, чтобы заставить его это сделать," - ответила я".[97]

Лили рассказывает, как она пришла к Распутину домой и попросила уехать из Санкт-Петербурга ради Императора и Императрицы. Он сначала согласился, но потом изменил свое решение по настоянию присутствовавшей там женщины - некоей Акилины - она, хоть и была одета в форму сестры милосердия, оказалась, скорее всего, шпионкой, подосланной через Распутина подрывать устои Трона. Лили добавляет, что через несколько дней после революции Акилину видели в качестве гостьи в семье одного из самых видных революционеров в Санкт-Петербурге. Ясно, что хотя Александра Феодоровна и чувствовала, что большинство обвинений против Распутина основывались на злобной зависти, она понимала, что все эти слухи направленно расшатывали веру страны в основы Монархии.

Неправда и то, что Распутина похоронили около Дворца в Царском Селе по просьбе Императрицы, как об этом обычно пишут. Александра Феодоровна, хотя и была очень опечалена его смертью, все же отвергла это предложение как "невозможное", зная, какой это вызовет отклик в общественном мнении. Когда, после убийства Распутина, министр внутренних дел Протопопов позвонил Императрице с просьбой разрешить временно похоронить Распутина в Санкт-Петербурге, пока не утихнут страсти и можно будет перевезти тело в Сибирь, она неохотно согласилась, и Распутина похоронили на участке земли, выбранном Анной Вырубовой в Царском Селе.[98]

Анализируя загадку жизни Распутина, редко принимают во внимание очень важную вещь. Что знаем

мы, образованные люди, об уме русского крестьянина? Любая попытка построить из его побуждений, добродетелей или пороков какой-то цельный образ, практически обречена на провал. А пытаться объяснить его жизненные поступки на основе противоречивых свидетельств - это уже все равно, что строить дом на песке: ему суждено рухнуть.

Что можно сказать о натуре Распутина? То же, что и обо всех: смесь хорошего и плохого, подвластная жизненным тяготам и бедам. Судьба его была отягощена развращающим влиянием общества, под бременем которого пали многие из самых почитаемых людей. Несомненно, контрасты в его поведении были разительны, и, будучи высвечены на сцене истории, они стали величайшей драмой.

Распутин мертв. Его нашли убитым подо льдом Малой Невки, и, по словам некоторых свидетелей, его рука была сложена для крестного знамения. Тот, Кто знал его лучше, уже свершил над ним Свой суд, и не нам судить его снова. Но есть что-то неприличное в этой литературной возне вокруг его могилы, будь то отвратительное смакование тайны или же нелепая попытка защитить память Николая Александровича и Александры Феодоровны, обеляя жизнь Распутина. Нас здесь интересует лишь его влияние на судьбу Царской Семьи и Монархии. И если события частной жизни еще можно проследить, то вопрос его влияния на государственную политику - вряд ли.

Курируя работу министров в отсутствие Николая II, Александра Феодоровна сначала попыталась дать несколько робких советов своему мужу. Она знала свою неопытность, и, чтобы быстрее войти в курс дела, пыталась узнать о сложностях деятельности государственного аппарата от тех министров, которым доверяла. Передавая их советы Николаю Александровичу, она

также стала полагаться на мнение и сообщения Распутина. Понятно было ее доверие к нему в этих делах, ведь она лишь начинала в политике. Он был не только крайне преданным Трону и Церкви, но и получал ответ от Бога на молитвы о выздоровлении ее сына. Советы Распутина были ценны для нее, потому что исходили от крестьянина, а она всегда защищала крестьянство.

Хотя Александра Феодоровна порою высказывала недоумение по поводу слухов о поведении Распутина, близкие к ней люди говорили, что у нее не было ни одного прямого повода, который мог бы убедить ее отстранить Распутина из-за каких-то крупных недостатков его характера. Григорий соответствовал ее идеалам долга, преданности и веры, и она долго не признавала всю серьезность общественного мнения, направленного против них.

Неумение Александры Феодоровны разбираться в ситуации, бесспорно, способствовало ослаблению Царской власти. И все же это не было врожденным недостатком - скорее, "роковая слабость", проявляющаяся в трагические времена: такие добродетели как преданность, доброта и доверие обратились против нее самой из-за отсутствия уравновешивающего их свойства характера, которое, несомненно, помогло бы правильно разглядеть ход событий.*

Распутин предостерегал Царя с самого начала не ввязываться в войну, боясь, что "потекут реки крови". Когда Россия вступила в конфликт, он постоянно посылал Царю на фронт весточки с духовной поддержкой. Он пронес чувство бесполезности войны через всю свою жизнь. На упреки французского посла Мориса

---

*Говоря о слабостях Царицы, уместно вспомнить слова царственного псалмопевца Давида: "аже Ты совершилъ есн, онн разрѹшиша, праведникъ же что сотвори?" (Пс. 10, 3).

Палеолога в отсутствии патриотизма, Распутин отвечал: "Слишком много мертвых и раненых, слишком много вдов и сирот, - ничего, кроме слез и разрушений! Подумайте только о тех беднягах, которые никогда не вернутся домой, - и вспомните, что за каждым из них - пять, шесть, десять человек, которые заплачут по нему. Я знаю деревни, где у всех горе. А те, что все же вернулись! На что они похожи! Безногие, безрукие, слепые. Как страшно! Больше двадцати лет мы будем пожинать лишь печальные плоды на Русской земле".[99]

Война разгоралась, и советы Распутина стали другого характера. От простых ободряющих слов в посланиях он перешел к непосредственным предложениям по части военных маневров и назначений министров правительства, а иногда давал удивительно практические и полезные советы по организации военных перевозок или доставке в города провизии. Часто он просил самого Царя избегать лишних опасностей на фронте, искренне тревожился за крестьян и солдат России. Он не то, чтобы пытался править Россией через Николая Александровича и Александру Феодоровну, - скорее, он излагал Царю свои непосредственные взгляды крестьянина на дела страны, коли уж он мог себе это позволить.

Великая княжна Ольга Александровна добавляет: "Хорошо зная Ники, я, тем не менее, настаиваю на том, что Распутин не имел ни малейшего влияния на него".[100]

Анна Вырубова: "Я знаю два случая, когда он давал Царю советы по ведению государственной политики. Его Величество отверг их с негодованием и раздражением".

Александра Феодоровна, желая выправить положение, стала полагаться на свои собственные чувства и здравый смысл. Ее расположение к Распутину

накладывало отпечаток на назначение министров, и, отчасти, их отношение к Распутину влияло на будущее назначение. Распутин, в свою очередь, считал недоброжелателями Трона тех, кто относился к нему плохо, вероятно, искренне веря в это, и боролся против общественного мнения единственным оружием, которое имел - расположением Императрицы.

Ни она, ни Царь не были слепыми приверженцами его "власти". Это видно из письма Государя, написанного Александре Феодоровне в сентябре 1916 года, за несколько месяцев до революции. В основных источниках это письмо не цитируется.

"Мнение нашего Друга о людях весьма странное, как ты и сама знаешь, поэтому надо быть очень осторожным, особенно, при назначении на высокие посты. Здесь надо все тщательно обдумывать. А с кого начинать? Голова идет кругом от этих перемен. По-моему, они слишком часты. В любом случае, для внутренних дел страны это нехорошо, поскольку любой новый человек приносит с собой перемены в управлении делами".[101]

Через полтора года, последовавших после лета 1915 года, смена министров Императорского кабинета стала слишком частой. За 15 месяцев сменились три военных министра, пять министров внутренних дел и четыре премьер-министра. И хотя Царь хорошо понимал, что такой постоянный круговорот чреват нестабильностью обстановки в стране, еще хуже было оставлять на посту людей, которые проявили себя некомпетентными или нелояльными. Изменения же, по крайней мере, давали надежду на лучшее.

Баронесса Буксгевден вспоминает:

"Подыскивая людей для назначения на посты и зная все интриги, которые за этим последуют, Императрица сообщала в письмах Царю все имена людей, отмеченных

министрами, и тех, о ком хорошо отзывались в связи с ее благотворительной деятельностью. В разговоре со мной она однажды сказала, что одно из самых больших испытаний, выпадающих на ее долю как Императрицы - видеть людей, постоянно плетущих интриги друг против друга, и так трудно распознать, кто из них искренен в своих советах. Она шла наощупь, не имея возможности проверить достоверность получаемой информации, потому что она не знала этих людей сама и встречалась с ними только при избранных обстоятельствах. Ее единственный критерий был: преданы ли люди Императору? верят ли они ему? Она считала, что надо прислушиваться и к общественному мнению, а не только к мнению Двора. Сама того не осознавая, она часто ошибалась, ее сбивали с толку люди, которым она доверяла. Она ведь сама никого не "открывала" - все имена кандидатов, которые она сообщала Императору, были именами известных чиновников, прежде занимавших высокие посты. Часто их рекомендовали Николаю II и другие - выбор среди консервативных государственных чиновников был невелик.

Император назначал на пост того человека, о котором он слышал благоприятные отзывы в различных кругах, и которого рекомендовала Императрица, предпочитая его малознакомому лицу, но это не значило, что мнение Императрицы было решающим. Когда он не соглашался, то не давал ей прямого отказа, а молча поступал по своему усмотрению".[102]

К 1915 году стали распространяться упорные слухи о том, что Распутин и Александра Феодоровна "контролируют" правительство. Ей бросали обвинения в приверженности к Германии, в предательстве, - и это знали те, кто должен был бы знать ее лучше, а также революционеры и немецкие агитаторы, использовавшие любой предлог для ниспровержения Царской власти.*

Вот как пишет о таких обвинениях Анна Вырубова:

"Распространять сплетни об Императрице, настраивать умы простых рабочих против государства было самым популярным развлечением аристократии. Вот типичный пример этой мании, его рассказала мне моя сестра. Однажды утром к ней неожиданно зашла ее свояченица, дочь очень видной дамы из аристократического общества. Ворвавшись в комнату, она с радостью выпалила: "Как ты думаешь, чем мы сейчас занимаемся? Распространением известия по всем заводам, что Императрица постоянно спаивает Императора. И все верят!"[104]

Баронесса Буксгевден:

"В 1916 году политическая обстановка в столице и во всех больших городах становилась все более и более угрожающей. Перемены 1916 года взбудоражили умы людей, и, естественно, начались волнения. Русскому характеру присущи колебания от крайнего оптимизма до глубокого пессимизма, и сейчас в ходу был самый мрачный взгляд на будущее. Ответственность за все несчастья ложилась на Правительство, без скидок на крайне трудную ситуацию. В тылу критиковали все происходящее на линии фронта. Революционные организации, притихнув на время, со своей стороны, подливали масла в огонь. Особое усилие они направляли на обличение Царствующей четы. Революционное движение 1905 года было приостановлено, в основном, искренними приверженцами Трона. В поведении Императора не могли найти ничего такого, что поколебало

*Пьер Жильяр, наставник детей Царя, пишет: "Как это случилось, что никто в России не осознавал, а в Германии это знал каждый, - что революция неизбежно отдаст страну ее врагам? Широкая публика неосознанно стала послушным орудием германской интриги. Принимались и распространялись самые тревожные слухи, в тылу создавалась антимонархическая пораженческая атмосфера недоверия и подозрения, которая тут же влияла на настроения людей на фронте. Было сделано все, чтобы ускорить революцию, и ничего, чтобы предотвратить ее последствия".[103]

бы его престиж, и тогда начались скрытые нападки на Императрицу в надежде через это ослабить его положение. Помимо постоянного использования преувеличенных россказней о влиянии Распутина на Императрицу, больше всего доставалось ее немецкому происхождению. Прилежно распространялись вымыслы о ее прогерманских симпатиях. Ходили слухи о сепаратном мире, которого она якобы добивалась - тут надо совсем не знать характер Александры Феодоровны, если верить им. И их никогда не стали бы слушать, но страна находилась в столь высоком нервном напряжении, что любой самый нелепый вымысел принимали за истину. Меня лично со всею серьезностью спрашивали - правда ли, что Великого князя Гессенского (брата Императрицы) прячут в подвалах Дворца!"[105]

К 1916 году Александра Феодоровна уже не могла не принимать во внимание враждебности общественного мнения и попросила Лили Ден сказать Распутину, чтобы он уезжал в Сибирь. Но эта безуспешная попытка из благого намерения была предпринята слишком поздно.

Лили добавляет:

"Она знала и читала все, что о ней писали, но, хотя анонимные письма и стремились очернить ее, а журналисты поливали ее грязью, ничто не могло запятнать светлую ее душу. Я видела, как покрывалось бледностью ее лицо, я видела, как ее глаза наполнялись слезами, когда до нее доходили особенно мерзкие слухи. Но Александра Феодоровна умела видеть сияющие звезды высоко в небе над грязью улиц".[106]

Николай

Глава VII.
ДЕСНИЦА ГОСПОДНЯ

Где раньше в бег - теперь волочишь ноги
И падаешь под ношею забот
На лестнице, что круто вверх ведет
Через алтарь, сквозь тьму и вечность
к Богу.
Теннисóн

27 февраля (7 марта по новому стилю) 1917 года Царь ненадолго приехал домой, а затем снова отправился на фронт. И, хотя повсюду начинались забастовки, он чувствовал лояльность армии и народа, а также и то, что все волнения были следствием работы экстремистов, которых нельзя было назвать большинством его подданных.* Когда Царь был в ставке, министры, напуганные смертельным ухудшением политической обстановки в стране и нехваткой продовольствия, скрыли от него настоящую картину волнений в России.

---

*Современникам, описывающим события того времени, уже тогда было ясно, что волнения были вызваны не только нехваткой продовольствия в стране и действиями революционных комитетов, пытавшихся сыграть на трудностях военного времени, но также и усилиями немецких агитаторов, надеявшихся путем дестабилизации Трона ослабить положение России в войне. Пьер Жильяр говорит: "Я сам мог удостовериться в этом в конце 1915 года. В доме моих друзей я однажды встретил молодого офицера, чьи политические убеждения были благоприятны для Двора. Он с негодованием сказал, что по повелению Царицы кто-то преподнес подарки и деньги немецким офицерам, лечившимся с ним в одном госпитале, и этот посланник даже не вошел в палаты русских офицеров. Меня это удивило, и я попросил узнать об этом поподробнее. Навели справки. История полностью подтвердилась, но найти человека, который действовал по подложным документам, якобы с официальной миссией, не удалось. Так я оказался свидетелем непреложного факта - одной из множества провокаций, организованных немецкими шпионами на немецкие деньги".[107]

Александра Феодоровна пыталась прояснить ситуацию, но Протопопов, министр внутренних дел, уверил ее, что провианта на зиму достаточно, - скорее всего, он пытался таким образом спасти себя и выйти из затруднительного положения. В декабре Распутин через Александру Феодоровну предупредил Царя о нехватках и просил Николая II сократить военные перевозки, чтобы в города поступало больше провизии. Николай терзался - он понимал, как нужны армии эти 400 ежедневных обоза с военными припасами и провиантом. А министры и высшее военное командование уверяли его в своих посланиях из Санкт-Петербурга (переименованного в Петроград в начале войны), что свежих поставок для городов, на которые рассчитывало правительство, будет вполне достаточно, чтобы облегчить там ситуацию без ущерба для военных действий.

Будучи главнокомандующим, Николай II был вынужден проверять поступающую информацию на достоверность, отфильтровывать мнения и амбиции окружающих его приближенных. И его, и Александру Феодоровну долгое время усиленно потчевали преувеличенными сведениями и необъективными докладами о действиях экстремистов и угрозе приближающейся революции.

Когда в Санкт-Петербурге произошли серьезные волнения, Дума направила Царю на рассмотрение в штаб-квартиру фронта послание, содержащее призыв к срочным конституционным уступкам. Хотя окружающие лица советовали Николаю II рассматривать эти доклады как преувеличение, он немедленно стал готовиться к отъезду в Царское Село. К понедельнику 28 февраля (12 марта) войска подняли мятеж. В Москве и Санкт-Петербурге началась неразбериха. Утром в четверг Николаю II представили петицию об отречении в пользу Царевича; левое крыло давило на него, предлагая

установить Временное Правительство, а правое (куда входили и его родственники), надеялось установить единовластное правление через регентство над Царевичем.

Загнанный в угол, Император подписывает акт об отречении в пользу своего брата Михаила. Слабое здоровье Царевича Алексея и возможность того, что его могут отделить от Семьи, если бы Николай II отрекся в его пользу, повлияли на его решение, и он передал бразды правления брату.

Текст отречения дает понять мотивы решения Николая II.

МАНИФЕСТ ОТРЕЧЕНИЯ

Ставка, начальнику штаба

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему Великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на

Престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том нерушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

НИКОЛАЙ.[108]

Великий князь Михаил, мужественный человек и чуткий политик, провел в армии много лет и имел офицерские награды. Перед лицом революционных антимонархических настроений он согласился принять правление государством, но лишь в том случае, если ему будет предоставлено прошение от конституционного органа. Прошения так и не последовало.

Как пишет Жильяр, это была не просто смена правительства. Последствия были намного страшнее:

"Когда пала старая система, естественно, образовалась такая пустота в политическом и религиозном сознании русского народа, что если не предпринять мер, это могло привести к гибели всего организма. Для простого крестьянина Царь был олицетворением мистических чаяний и, в каком-то смысле, ощутимой реальностью; его нельзя было заменить политической формулой, это была бы непостижимая абстракция. И в том вакууме, что образовался в результате падения Царского режима, русская революция со своими крайностями и склонностью к экстремизму, что характерно для славянской натуры, неизбежно должна была втянуть

страну в насилие, которое никакое правительство не смогло бы контролировать".[109]

Тем временем, Александра Феодоровна была в полуизоляции в Царском Селе, хотя частично ее информировали о беспорядках в городе. Анна Вырубова и все дети, за исключением Великой княжны Марии, заразились корью от юного друга Царевича. С самого начала болезни Александра Феодоровна была в одежде медсестры, ухаживая за детьми и Анной круглосуточно. Болезнь Ольги Николаевны осложнилась перикардитом; у Татьяны Николаевны и Анастасии Николаевны образовались болезненные абсцессы в ушах, и на время они потеряли слух. За Царевичем нужен был специальный уход - его болезнь давала серьезные осложнения.

Вечером 28 февраля (12 марта) Родзянко, Председатель Государственной Думы, приказал Царице уехать из Царского Села вместе с детьми. Она отказалась, сказав, что дети слишком больны и что она не хочет делать ничего такого, что может быть истолковано как побег. А двадцать четыре часа спустя, даже если бы детям было лучше, она уже не смогла бы вывезти их - революционеры захватили железнодорожные пути.

Родзянко согласился оставить Царицу с приближенными во Дворце под домашним арестом до приезда Императора. Как всегда, Александра Феодоровна боялась не за себя. Когда прибыла депутация от Думы осмотреть Дворец и предпринять меры безопасности, ее спросили, нуждаются ли они в чем-либо. Она ответила, что у детей есть все необходимое, но она просит не закрывать военные госпитали.

В следующую пятницу Лили Ден ждала Александру Феодоровну в ее комнате. Царица вошла только что после свидания с Великим князем Павлом, дядей Николая, который сообщил ей известие об отречении.

"Лицо ее было искажено болью, глаза полны слез. Я бросилась к ней, чтобы поддержать ее, пока она не дойдет до письменного стола у окна. Она тяжело прислонилась к нему, взяла меня за обе руки и сказала прерывистым голосом:

"Отрекся! Бедный мой, - один там, и страдает. О Боже, как ему тяжело - и нет никого утешить"".[110] Несколько минут спустя она скажет баронессе Буксгевден: "Все к лучшему. Это воля Божия. Бог допустил это для спасения России. Только так и нужно сейчас".[111]

Через несколько дней Великие княжны, все еще больные, попросили Лили спать в комнате рядом с Царицей, чтобы ей не быть одинокой, - слухи о зверствах толпы достигли дворца. Но даже в этой тревожной обстановке Александра Феодоровна не оставляла своего милосердия:

"Когда я вошла, спотыкаясь, в будуар со своей кучей простыней и одеял, она улыбнулась немного горькой нежной улыбкой. Она смотрела, как я пытаюсь застелить себе постель. Потом подошла с той же улыбкой: "Ну, Лили, вы, русские дамы, совсем не знаете, как это делается. Когда я была маленькая, моя бабушка, королева Виктория, показывала мне, как стелют постель. Давай, научу тебя". И она ласково постелила, говоря при этом: "Смотри, не ложись вот на эту сломанную пружину. Я всегда думала, что эта кушетка не в порядке". Вскоре постель "в стиле Виндзор" была застелена, Императрица нежно меня поцеловала и пожелала спокойной ночи. "Я оставлю дверь в спальню открытой, - сказала она, - чтобы тебе не было одиноко".

Я не могла уснуть. Лежала на розовато-сиреневой кушетке и никак не могла осознать, что все случившееся - правда. Должно быть, мне все это снится, и когда я проснусь у себя в постели в Петрограде и окажется, что революция - это только ночной кошмар! Но

покашливание из комнаты Императрицы говорило мне, что это - увы - не сон. Она ворочалась, как и я, без сна. Дорожка света от лампадки у святой иконы проникала из ее спальни в мой будуар; и тут Императрица встала и подошла ко мне со стеганным пуховым одеялом: "Ужасно холодно, - сказала она, - хочу, чтобы тебе было уютнее, Лили, вот тебе еще одеяло". Несмотря на мои протесты, она укрыла меня одеялом, подоткнула его, и опять пожелала мне спокойной ночи".[112]

Телеграф был захвачен, и лишь несколько дней спустя Александра Феодоровна смогла получить весточку от Императора. После отречения ее телеграммы к Николаю Александровичу возвращались обратно с издевательской надписью на конверте: "Адресат неизвестен".

Ситуация во Дворце быстро ухудшалась. Воду теперь таскали вручную из пруда в парке. Электричество отключили, лифт не работал, и Александре Феодоровне с больным сердцем было все труднее взбираться по ступенькам к своим больным. Она задыхалась и часто была на грани обморока. Лили приходилось поддерживать ее, пока она поднималась по лестнице.

Александра Феодоровна ожидала приезда Николая Александровича; ее все более тревожила возрастающая враждебность солдат дворцовой охраны и радикально настроенных членов Временного правительства. Несколько дней подряд она и Лили жгли личные бумаги: частные письма от бабушки - королевы Виктории, от отца, многие из писем Николая Александровича, которые он писал в период ухаживания за нею - все пошло в огонь. Она не хотела, чтобы кто-нибудь видел эти дорогие для нее записи, и оставила ту часть переписки между нею и Николаем Александровичем, которая могла бы понадобиться в качестве защиты на суде, если таковому суждено быть.

Вечером 29 февраля (13 марта), за два дня до отречения ее супруга от Престола, Александра Феодоровна услышала, что войска подняли мятеж, и что ко Дворцу движется огромная толпа. Она накинула пальто на свое сестринское одеяние, взяла Царевну Марию Николаевну и спустилась к солдатам, охраняющим Дворец. Был сильный мороз, но она подходила к каждому по очереди, и благодарила за верность. Она не хотела, чтобы из-за нее пролилась кровь и просила не делать ничего, что спровоцировало бы убийц, начать переговоры с толпой, чтобы избежать драки. Драки не было, но через два дня она увидела спущенный флаг полка дворцовой охраны, а от Дворца, по приказу Временного правительства, уходила охрана - люди, которых она знала столько лет. Софи Буксгевден говорит: "Она смотрела на все это со слезами; никакая личная угроза не могла заставить ее плакать - но сейчас она плакала". Для Александры Феодоровны спуск флага означал потерю ее любимой России.

Баронесса добавляет:

"Офицеры полков, составляющих дворцовую охрану, были верны до конца. Когда им приказали уходить, они все пришли попрощаться с Императрицей, некоторые казаки рыдали. Нас потряс один случай, особенно характеризующий трагичность момента. Это было сразу после известия об отречении Царя. Я выглянула из окна, и сквозь пелену падающего снега увидела небольшую группу всадников, разговаривающих с охраной у главных ворот Дворца. Лошади и всадники были забрызганы грязью, смертельно усталые, понурые кони опустили шеи в полном изнеможении, хотя всадники пытались держаться с подобающей военным выправкой. Некоторое время они о чем-то говорили, потом я увидела, что они медленно уходят. Это оказался эскадрон резервного кавалерийского полка, который был

расквартирован в муравьевских бараках близ Новгорода примерно в 150 верстах от Царского Села. Услышав, что происходит в Петрограде, молодой офицер отправился со своим эскадроном в Царское Село. Они ехали двое суток почти не останавливаясь, по жуткому морозу, по заснеженным дорогам. Изнуренные, они достигли цели. И у ворот Дворца им сказали, что они пришли слишком поздно. Монархии, которую надо защищать, не существует. Они поехали прочь, сраженные известием, а Императрица не могла даже послать им весточку благодарности, хотя их верность она будет помнить до конца жизни".[113]

Когда, наконец, 9(22) марта Николай Александрович вернулся, Александра Феодоровна, вне себя от радости, "ринулась навстречу ему, как девчонка". По иронии судьбы, когда он ехал домой через Могилев, город был разукрашен красными флагами и бантами, и каким контрастом этому проявлению революционного пыла была многотысячная толпа, вдруг неожиданно бросившаяся на колени, когда появился Царский поезд.

В тот же день Джордж Бьюкенен, английский посол, писал, что услышал, как один солдат сказал: "Да, республика нужна, но во главе ее должен стоять хороший Царь".[114]

Керенский, как глава правительства, планировал отправить Царскую Семью в Европу или в какую-нибудь отдаленную часть России, но оба они - и Николай Александрович, и Александра Феодоровна, были решительно против отъезда заграницу, даже если бы им грозила ссылка в Сибирь.

Вскоре после возвращения Николая Александровича Керенский допрашивал во Дворце Александру Феодоровну о ее предполагаемых симпатиях к Германии. Они говорили больше часа. Николай Александрович в соседней комнате ходил взад-вперед; Семья и

приближенные хорошо понимали, что эта беседа может закончиться заключением. По окончании допроса Керенский вышел, утирая лоб платком, и сказал Николаю Александровичу: "Ваша жена не лжет". Император спокойно ответил, что всегда это знал.[115]

После отречения Императора от Престола, Семью его официально заключили под арест. Некоторых придворных и приближенных попросили остаться и разделить с ними заключение. Среди них были Лили Ден и Анна Вырубова (обеих вскоре арестовали), баронесса Буксгевден, наставники Алексея Пьер Жильяр и Чарльз Гиббс и горсточка других лиц. Александра Феодоровна, как и Император, не проявляла никакого страха. Она подбадривала всех домашних, особенно, если видела кого-то обеспокоенным или в угнетенном состоянии.

К заключению в Царском Селе мало-помалу привыкли, и жизнь потекла своим чередом. Продолжались занятия - взрослые поделили между собой уроки: Император преподавал историю и географию; Александра Феодоровна - Закон Божий, мадемуазель Шнайдер - математику, баронесса Буксгевден - английский (Гиббсу тогда не разрешили быть с Царской Семьей), а Жильяр - французский.

Их жизнь была полна ограничений. Телефонные провода обрезаны, все приходящие и отсылаемые письма проверялись, и даже гулять по парку разрешалось только на небольшом участке. И хотя офицеры охраны были доброжелательны, они находились под начальством тех, кто "выбирал" правила для дворцовых узников. Новые же охранники были безжалостны и грубы. Они говорили гадости, отобрали игрушки у Царевича, совали палки в спицы велосипеда Николая Александровича, когда он ездил по дорожке парка - злоба сквозила в каждом их действии. За всеми разговорами вне дома тщательно

следили - велено было говорить только по-русски. Рядом находился небольшой огород, и когда домочадцы работали на грядках, Александра Феодоровна сидела рядом со своим рукоделием. Охранники часто обменивались грубыми шутками, чтобы посмотреть на ее реакцию, а то и пускали папиросный дым прямо ей в лицо, говорили о Царях свысока и небрежно. Солдаты наслаждались этим, считая, что таким образом Александра Феодоровна получает свое возмездие.

Но вот один из светлых эпизодов, по воспоминаниям баронессы Буксгевден:

"Однажды, когда Императрица сидела на коврике под деревом и уронила что-то, я встала со своего места рядом с нею, чтобы это поднять. Тут же на мое место сел солдат, заявив на мое возражение: "чур, теперь мой черед". Императрица слегка отодвинулась, сделав мне знак молчать, потому что она боялась, что тогда всем не разрешат гулять и дети будут лишены свежего воздуха. Ей показалось, что у солдата не такое уж злое лицо, и вскоре она начала с ним разговор. Сначала он устроил ей допрос, обвиняя ее в "презрении к людям", иначе почему же она не ездила по России познакомиться со страной. Александра Феодоровна спокойно объяснила, что у нее пятеро детей, что она растила их сама, что ездить по стране у нее просто нет времени, и что, ко всему прочему, ей мешало слабое здоровье. Казалось, он был ошарашен этими доводами, и мало-помалу становился все дружелюбнее. Он стал расспрашивать Императрицу о ее жизни, о детях, отношении к Германии, и т.д. Она очень просто отвечала ему, что с детства росла в Германии, но это было давно. Ее муж, ее дети - русские, и она русская тоже. Когда я вернулась с офицером, к которому я рискнула обратиться, боясь, что солдат может досадить Царице, я обнаружила, что они мирно обсуждают религиозные вопросы. Солдат встал,

увидев нас, затем взял руку Императрицы со словами: "Знаете, Александра Феодоровна, а я о вас совсем по-другому думал, и я ошибался". Самым потрясающим было то, что этот солдат был депутатом Советов. Когда он пришел на дежурство в следующий раз, он был отменно вежлив.

Часто случалось, что после разговоров с Императором или детьми враждебность солдат исчезала. Они видели, что это не свирепые монстры, как их учили верить. Но по отношению к Императрице они были недружелюбны - и по их поведению можно было видеть, какая пропаганда ведется среди них".[116]

Керенский решил перевезти Царскую Семью подальше от опасности до тех пор, пока назначенное на зиму Учредительное собрание не решит их судьбу. Опасения Керенского по поводу правительства, которое пришло к власти с отречением Царя не были лишены основания. Коалиция представителей Думы, в которой не было единства и последовательности убеждений, вместе с радикальными и либеральными фракциями составляли взрывчатую смесь. Германия тем временем тайно организовала приезд Ленина в Россию частным поездом. Уинстон Черчилль замечает: "Они перевозили его в запечатанном вагоне как бациллу чум". После его приезда большевики постепенно стали захватывать власть во Временном правительстве, где Царил беспорядок.

К середине августа Царскую Семью перевезли в Тобольск, город с 20 тысячами жителей. Романовых сопровождали несколько домочадцев и более трехсот солдат верховой охраны.

В Тобольске им отвели двухэтажный дом губернатора, а через дорогу в маленьком домике разместились домочадцы и учителя. Дом губернатора сразу обнесли высоким забором. Членам Царской Семьи строго-

настрого было запрещено уходить из дома; им разрешали только ходить церковь, куда их сопровождала усиленная охрана. Жители Тобольска, в большинстве своем потомки сибирских ссыльных, были как правило очень доброжелательны. Когда Семья шла к ранней Литургии, люди на улице становились на колени, пока они не пройдут, и стояли около дома, осеняя себя крестным знамением, в надежде хоть краем глаза увидеть кого-нибудь в окошке. Одно время монахиням из монастыря разрешали передавать им яйца и сахар, а местные торговцы поставляли другие продукты.

Так же как и в Царском Селе, младшие дети занялись учебой. Александра Феодоровна учила их, читала, вышивала. Она и девочки связали теплую шерстяную одежду к Рождеству и подарили каждому из домочадцев. Николай Александрович, привыкший к физической работе, колол дрова в маленьком дворике, построил лестницу на крышу дома к маленькой теплице, где они всей Семьей и со слугами грелись на скудном сибирском солнышке.

Вечером читали вслух, играли в разные игры, шили. Потом организовали домашний театр. В течение недели они разучивали короткие русские, английские и французские пьесы и показывали их в воскресные вечера.

Гиббс, учитель английского языка, вспоминает, как они поставили однажды пьесу времен Эдуардов - несколько вульгарную, но очень забавную. Анастасия Николаевна играла главную мужскую роль, Мария Николаевна - жену, Алексей Николаевич - швейцара:

"В конце сценки муж должен повернуться спиной, распахнуть халат, будто собираясь снять его - на Анастасии был мой старый халат, - и воскликнуть: "Но я не могу идти: я уже упаковал мои брюки". Одобрительные аплодисменты зрителей взволновали маленькую Царевну. Пьеса шла "на ура", ход событий развивался так

быстро, что сначала никто не заметил, как сквозняк задрал полы халата до пояса, показав ее крепкие ножки и задик, одетые в нижнее белье Императора. Мы все ахнули. Император, Императрица, все слуги и свита разразились хохотом. Бедняжка Анастасия не могла ничего понять. Все просили исполнить пьесу еще раз - но на этот раз она была более осмотрительна. Да, я навсегда запомню этот вечер; в последний раз я слышал такой неудержимый сердечный смех Императрицы".[117]

Начался Великий Пост, и пьесы прекратились. Гиббс пишет: "В первые четыре дня Великого Поста читали чудный Канон Андрея Критского, и скрупулезная, как всегда, Императрица сделала каждому копию Канона на русском языке". "Сделать копию" - это значит от руки переписать 25 страниц Канона.

В Царском Селе большинство старых офицеров, охранявших Царскую Семью, просили отправить их на фронт - они не могли вынести грубости молодых охранников. В Тобольске же отряд охраны состоял из нескольких разных подразделений, некоторые из них были недружелюбны, тогда как другие - даже добры к Царской Семье.

Пьер Жильяр вспоминает:

"Тем временем, большевики начали свою разрушительную работу среди солдат, охранявших нас, которые до сих пор не поддавались их агитации. Охрана состояла из различных подразделений: люди 1-го и 4-го подразделений были более всего расположены к Царской Семье, и особенно к детям. Царевны со своею простотой, которая придавала им такое очарование, любили поговорить с этими солдатами, которые, казалось, связывали их с прошлым. Они расспрашивали солдат о семьях, о деревнях, о сражениях, в которых они принимали участие в этой великой войне. Алексей Николаевич, который по-прежнему был для них Наследник,

также завоевал их сердца, им хотелось доставить ему удовольствие, развлечь его.

Один отряд 4-го подразделения целиком состоял из пожилых солдат, и они особенно были привязаны к Царской Семье, поэтому все любили, когда они заступали на дежурство. В такие дни Царь с детьми тайно ходил к ним в казармы, где они говорили или играли в шашки, и отношение к ним солдат всегда было сугубо корректным. Однажды в такое время к ним зашел комиссар Панкратов - он так и замер в дверях, уставившись сквозь очки на эту неожиданную картину. Царь, увидев общее замешательство, кивнул ему, предлагая пройти и сесть за стол. Но комиссар, видимо, подумал, что не туда попал; выругавшись, резко повернулся на каблуках и вышел в растерянности".[118]

В дневнике Государыни за декабрь 1917 года есть малозаметное и смиренное свидетельство о том, что в сочельник, будучи под арестом уже почти год, она сама лично наряжала елку и приготовила угощение для охранников, и, войдя к ним, дала каждому из двадцати по Евангелию и по закладке, изготовленной собственноручно.

После Рождества 1917 года всю охрану сменили, сочувствующих не осталось. Настроенные крайне враждебно, новые караулы солдат стали во всем ограничивать узников. Им не разрешали приглашать священника. Урезали паек: ни сметаны, ни сливок, ни масла, ни кофе; только Царевичу давали немного молока и яиц. В комнатах было страшно холодно (5° С), Семье давали совсем немного дров. Александра Феодоровна говорит, что писать письма было очень трудно - пальцы мерзли.

Однажды Керенский прислал Царю в подарок ящик вина - новый комендант вылил все вино в реку. Случайно две бутылки остались, и Гиббс описывает их судьбу:

"Унести их было невозможно, и мы подумали, что единственный выход - выпить их. Пока мы пили, послышались крадущиеся шаги нового коменданта. Мы только успели спрятать бутылки и стаканы под стол, покрытый длинной скатертью, как он вошел. Он встал у двери, подозрительно оглядывая комнату, и вдруг мы почувствовали себя как маленькие школьники, которых застали за шалостью в классе. Ситуация была настолько нелепой, что когда наши глаза встретились, мы уже не могли больше сдерживаться, и разразились неудержимым хохотом. Комендант постоял, заинтригованный, но он не знал, что ему делать, поскольку смех обычно не входит в рамки инструкций содержания узников, - он оставил все как есть, и удалился".[119]

Хотя газет почти не разрешалось, те, что достигали Царя, были все более угнетающими. Когда Временное правительство уступило в октябре 1917 года власть большевикам, газеты писали об общем хаосе и попытках правительства заключить сепаратный мир с Германией; это буквально опустошило Николая Александровича.

Жильяр пишет:

"Впервые тогда я услышал, что Царь жалеет о своем отречении. Он сделал этот шаг в надежде, что желающие устранить его деятели могут успешно закончить войну и спасти Россию. Он боялся, что сопротивление с его стороны вызовет гражданскую войну в стране, где уж и так находился враг, и он не хотел, чтобы хоть один русский погиб из-за него. Но вслед за его отречением сразу же появился Ленин со своими помощниками - платными агентами Германии, и кто же, как не они, развалил армию и разрушил страну? Ему теперь было больно видеть, что его отречение было напрасным, и что своим уходом в интересах страны он, на самом деле, вверг ее в беду. Эта мысль все чаще пре-

следовала его, и, в конце концов, переросла в тяжелую внутреннюю тревогу".[120]

В марте 1918 года, когда новое правительство заключило сепаратный мир с Германией в Брест-Литовске, оно отдало за это более 2,5 тысяч кв. верст территории в Польше, Финляндии и Восточной Европе. Это был тот самый шаг, в подготовке которого революционеры постоянно обвиняли Императрицу.

Александра Феодоровна пишет Вырубовой:

"Объявлен мир, а немцы продвигаются все дальше и дальше. Когда все это кончится? Когда Бог дозволит. Как я люблю мою страну, со всеми ее недостатками. Она мне все дороже и дороже, и я каждый день благодарю Господа за то, что Он позволил нам остаться здесь, а не послал нас далеко отсюда..."[121] Я чувствую себя старой, о, такой старой, но я все еще мать этой страны, и ее боль для меня то же, что и боль моего ребенка, я люблю ее несмотря на ее грехи и ужасы. Никто не сможет оторвать дитя от сердца матери, равно как и страну нельзя отделить, хотя черная неблагодарность России к своему Императору разбивает мне сердце. И все же - это еще не вся страна. Господи, помилуй и спаси Россию".[122]

К Лили Ден:

"Я вспоминаю прошлое. На все надо взглянуть спокойно. Что делать? Если Он послал нам такие испытания, очевидно, Он думает, что мы к этому полностью готовы. Это как экзамен - необходимо доказать, что мы не напрасно прошли все это. Во всем можно найти и хорошее, и полезное, через какие бы страдания мы ни прошли - пусть будет так; Он даст нам силы и терпение и не покинет нас. Он милостив. Надо только склониться перед Его волей без ропота и ждать - там, в другом мире, Он готовит для всех, кто любит Его, неописуемую радость.

Ты молода, и молоды наши дети - вон сколько их у меня - вы еще увидите здесь хорошие времена. Я верю, что пройдет злой рок, и небо станет чистым и безоблачным. Но гроза все еще не прошла, поэтому так душно, но я знаю, что потом будет лучше. Надо только иметь чуточку терпения - разве это так трудно? За каждый спокойно проведенный день я благодарю Бога. Месяцы прошли уже (с тех пор как произошла революция)!! Людям обещали, что у них будет больше еды и тепла, а все становится хуже и дороже. Всех обманули - мне так всех жалко. Мы столь многим помогали - но теперь все кончено.

Как ужасно думать обо всем этом! Как много людей зависело от нас. А теперь? Никто не смеет говорить о таких вещах, но я пишу об этом, потому что я страдаю за тех, которым придется жить еще труднее..."[123]

Хотя ходили слухи об освобождении Царской Семьи Белой Армией, и сами узники имели надежду на это, но попытки были неорганизованными и не привели к существенным результатам. По просьбе Александры Феодоровны Чарльз Гиббс написал за нее письмо ее старой гувернантке мисс Маргарет Джексон; это была тонко завуалированная мольба о помощи - она надеялась, что это письмо будет передано королевской семье Великобритании. Несколькими месяцами раньше Англия "для пробы" предложила Царской Семье убежище, но позднее предложение было тихонько изъято перед лицом всеобщего приветствия новой эры советской "свободы". 10 апреля представитель Министерства иностранных дел Великобритании заявил: "Правительство Ее Величества не настаивает на своем прежнем предложении об оказании гостеприимства Императорской Семье". Европейские родственники и союзники оставили их. Крик о помощи, который мог бы предотвратить гибель Царской Семьи, был задушен диплома-

тическими соображениями и трусливым страхом воинствующего общественного мнения".*[124]

Письмо, написанное преподобным Серафимом Саровским за несколько десятилетий до рождения Николая Александровича - "Царю, который прославит меня", было вручено нераспечатанным Императору духовным сыном преп. Серафима. Оно, вероятно, содержало пророчество о гибели Царской Семьи; Николай Александрович и Александра Феодоровна никому не раскрывали содержания письма. И явные надежды Царской Семьи на спасение в письмах из Тобольска, а также воспоминания тех, кто был с ними в ссылке и выжил - говорят об их надежде на избавление, об их вере, что время еще не пришло.

Позже, когда наступала Белая Армия, Николай Александрович писал в своем дневнике о возможных планах их вызволения. Ему передавали записки в бумажных крышках, которыми закрывали бутылки с молоком для Царевича Алексея.

Условия заключения все ухудшались, а Царская Семья не только не озлобилась, но проявляла щедрое милосердие к своим тюремщикам и к России. В это время Великая княжна Ольга, старшая дочь Николая Александровича и Александры Феодоровны, пишет:

"Отец просил передать всем, кто оставался верен ему, чтобы за него не мстили, что он простил всех и молится за них, и не надо возмездия, только нужно помнить, что зло, которое сейчас есть в мире, станет еще сильнее, но зло побеждается не злом, а любовью".[126]

---

*Еще о надежде Царской Семьи на спасение в их трагической судьбе - вот случай, который произошел несколькими годами раньше. Он заслуживает внимания и дает пищу к размышлению. Когда Александра Феодоровна за несколько лет до революции ездила в Новгород к местночтимой старице, та встретила ее словами: "Вот идет мученица Императрица Александра". Но Императрица взяла у старицы благословение и ушла, бодрая и спокойная; лишь те, кто были с нею, ушли подавленные и озабоченные, потому что они понимали: это - пророчество".[125]

К апрелю дела приняли критический оборот. Местные власти большевиков Екатеринбурга и Омска хотели захватить Царскую Семью. Они уже поехали в Тобольск, но вернулись только потому, что ЦИК в Москве не одобрил их план.

Наконец, 9 (22) апреля прибыл из Москвы новый комиссар, Василий Яковлев. Он привез приказы перевезти Царскую Семью к неизвестному месту назначения. Сначала Яковлев хотел забрать только Николая Александровича, но его внезапно остановил резкий отказ Царя разлучаться с Семьей, и он, наконец, согласился взять с собой тех, кого Николай Александрович захочет.

Переезд был не во-время. У Алексея Николаевича начался коклюш, и он страдал внутренними кровотечениями из-за приступов кашля; он уже было выздоравливал, хотя и был слаб, но упал и ушибся, и снова кровотечение, на сей раз в паху и ниже в ноге. Жильяр говорит, что это было даже хуже, чем в Спала: ногу совсем парализовало.

Доктор Деревенко, сопровождающий Семью, был в ужасе. У него не было лекарств, и не было возможности их приобрести. Помочь мальчику он не мог, и тот очень страдал. Наконец решили, что Александра Феодоровна и Мария Николаевна поедут с Николаем Александровичем, а остальные останутся с Алексеем Николаевичем, пока он не будет в состоянии ехать.

Путешествие было ужасным. Путникам дали голые, без рессор, телеги без тентов. Постелили соломы на дно телеги и матрацы для Александры Феодоровны. На их пути были реки, покрытые тонкой корочкой льда, они переходили их по тонким дощечкам. В одном месте им пришлось вброд переходить ледяную реку, где вода была по колено, и Николай Александрович нес Александру Феодоровну на руках. Тем не менее, когда проезжали

Тюмень, Александра Феодоровна попросила послать детям телеграмму, что они "прибыли благополучно".

В Тюмени их ждал поезд. Хотя, вероятно, их путь лежал в Москву, поезд был остановлен Омскими властями. Проезжали через Екатеринбург, центр ярых советских экстремистов. Солдаты окружили поезд. Уступив требованиям толпы, Яковлев передал Царя и Царицу и Великую княжну Марию, доктора и трех слуг властям Екатеринбурга.

Их поместили в доме около центра города, в условиях худших, чем в Тобольске. Грубая, плохо приготовленная пища, которую приносили один раз в день в разное время. Второй раз в день можно было поесть только оставшееся от первой трапезы. Новый комендант часто проходил через столовую во время трапезы, отталкивал Николая Александровича от стола, брал что-нибудь с тарелки из еды, и говорил, что им и так хватает. Двери в комнатах были сняты, чтобы охрана могла видеть, что там делается. Солдаты входили без предупреждения, и даже поставили у туалета часового, который провожал женщин отвратительными и похотливыми замечаниями. Протесты были бесполезны, это только приносило новые тревоги и ограничения.

Когда наступила Страстная Седмица, Царь с домочадцами попросили дать им возможность поститься, но им отказали в этом, как и в посещении церкви. Николай и доктор Боткин читали по очереди главы из Евангелия по вечерам вместо служб Страстной Седмицы.

Хотя Алексей Николаевич был еще недостаточно здоров, комендант решил перевезти детей и всех остальных в Екатеринбург. Радость встречи сначала затмила тревоги, но затем начались неприятности. Солдат зашел однажды в комнату Алексея Николаевича и увидел цепочку с иконками, свешивающуюся со спинки кровати. Желая забрать ее себе, охранник

потянулся за нею. Матрос Нагорный, нянька Алексея Николаевича в течение многих лет, возмутился и хотел остановить солдата. Его немедленно арестовали, заключили в тюрьму, и через четыре дня расстреляли.

Охрана была подобрана из экстремистов с расчетом на их враждебность и презрительное отношение к Семье Русского Царя. Но и они не всегда оставались бесчувственными.

Анатолий Якимов, один из охранников, позднее арестованный Белой Армией, вспоминал:

"Впечатление о них останется в моей душе на всю жизнь. Царь не молод, борода его начинала седеть. Глаза у него были добрые, и выражение лица всегда приветливое. Мне кажется, что это был человек добрый, простой, честный и разговорчивый. Иногда мне казалось, что он вот-вот заговорит со мной. Всегда казалось, что он готов заговорить.

Все мои мысли по поводу Царя исчезли после того, как я некоторое время побыл у них охранником. Мои чувства к ним изменились. Мне стало их жалко. Я их просто жалел как людей. Я говорю вам чистую правду. Можете верить, можете нет, но я все время повторял про себя: "Дай им сбежать. Сделай что-нибудь, чтобы дать им сбежать"".[127]

Ленин, однако, думал по-другому и вынашивал свои планы.[128]

2 (15) июля без всяких объяснений привели местного священника, чтобы совершить Литургию. Вся Семья и домочадцы исповедались и причастились. Когда дошли до заупокойных молитв, вся Семья неожиданно встала на колени, а одна из Великих княжон зарыдала. Догадывались ли они о своей судьбе, этого никогда не узнать.

Ночью 4 (17) июня их разбудили около полуночи и повели в подвал дома, где велели ждать;

подступала Белая Армия, и надо было их куда-то перевезти. Внесли три стула. На один села Александра Феодоровна, на другой - Николай Александрович, он взял на колени Алексея Николаевича, и тот положил ноги на третий стул.

Через некоторое время в комнату вошли комендант и охрана. Комендант Янкель Юровский быстро сказал: "Мы должны вас расстрелять". Николай Александрович, поднявшись, чтобы заслонить Александру Феодоровну и Алексея Николаевича, только и успел сказать: "Что?" - как пуля попала ему в голову - он был убит наповал. Первый выстрел был сигналом для охраны открыть огонь, и через спустя минуту все были мертвы, кроме 16-летней Анастасии, которая упала в обморок, и служанки Анны Демидовой - обе были заколоты штыками и забиты до смерти. Александра Феодоровна умерла, осеняя себя крестным знамением.

Так закончились жизнь и Царствование последней Императрицы России.

Стремительный поток событий нашего века унес прочь помазанных Монархов, и упорно, безжалостно подмывает устои нашего мира. Сохранились очертания былой структуры, но бастионы Монархии пали. Мы стоим словно обнаженные, неловкие, лишенные подлинных традиций и помазанных Монархов, которые предстояли пред Богом как сердце своего народа.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда она прошла - казалось,
смолкли звуки музыки чудесной.
Лонгфелло

В 1981 году Зарубежная Церковь канонизировала Царскую Семью как мучеников вместе с многими погибшими в результате гонений от рук коммунистов. Хотя Александра Феодоровна и ее Семья не являются мучениками в том же значении, что и те, кто пострадал исключительно за веру во Христа, Царская Семья принадлежит к лику святых, именуемых страстотерпцами. Ими часто становились помазанные Монархи или наследники Престола, убитые по политическим мотивам.*[129] Поскольку они давали клятву предстоять перед Богом за свой народ, их почитают как о Боге почивших Помазанниках Его. Эта судьба не распространяется на тех правителей, которые проявили себя жестокими тиранами, недостойными ни титула Помазанника, ни звания христианина. Слово "страстотерпец" имеет двойное значение: это тот, кто разделил со Христом страдания неправедно убиенного и претерпел на себе злобную страсть убийцы.

Повествование о жизни, не запятнанной человеческими недостатками и ошибками, является обычной агиографической практикой. Назначение ее то же, что и у иконы, изображающей, каким стал человек в другом

*Одними из первых русских страстотерпцев просияли князья Борис и Глеб, и вот Александра Феодоровна и ее Семья своею кровью прославили имя Божие. Сюзанна Мэйси пишет о страстотерпцах: "Эта кротость и смиренное принятие судьбы в подражание подвигу Христа есть насущная, неотъемлемая часть русского идеала, который золотой нитью проходит через жизнь России вплоть до нашего времени".

мире, освобожденный от греха и примиренный с Богом покаянием.

Но жизнь Николая II Александровича и Царицы Александры Феодоровны - не только агиографический рассказ, это и современная история, отделенная от нас лишь несколькими десятилетиями. Игнорировать их политические неудачи из страха, что это затуманит сияние их жизни - не только нечестно, но и может дать повод для реальных сомнений в достоверности их добродетелей. Душа человека инстинктивно чувствует, что он живет в падшем мире, и что сам человек несовершенен. Идеализированный рассказ о Монархе, который жил в очевидно совершенном Царстве приближает нас к опасному хилиазму. Он только внешне затрагивает наши чувства, но, честно говоря, ум и душа наши остаются неудовлетворенными.

Сегодня многие русские оглядываются назад, чтобы в прошлом отыскать ключ к будущему. Прилив Монархических настроений стал символом времени. С точки зрения возвращения к традиционным религиозным ценностям и культуре это полезно. Однако, слезливая сентиментальность, часто питающая иллюзорный взгляд на историю, является не только нездоровой, но и опасной. Это - форма прелести: беспочвенные ожидания, ведущие к экономической, социальной и, может быть, духовной катастрофе. Почти всю свою сознательную жизнь Николай Александрович и Александра Феодоровна старались объективно оценивать нужды своей страны; именно им суждено развенчать театральные искажения о себе и своей роли в истории России. Нельзя забывать, что именно эти искажения, но под политической маской, привели к свержению Монархии в 1917 году.

Долго было модным критиковать недостатки правления Николая II и Александры Феодоровны. Нет

сомнения, недостатки были, но важно сознавать, что Монарх занимает особое место. Все мы крепки задним умом, и часто беремся безжалостно судить, не задумываясь, как повели бы себя мы сами в подобной ситуации. Конечно, внешне последствия наших неудач - всего лишь мелкая рябь на водах истории, в то время как Монарх в своем положении законодателя может вызвать наводнение; и, тем не менее, остается привкус лицемерия, когда мы обвиняем правителей в том, что они не лучше нас. Справедливо считается, что правитель посылается верующим людям в благословение или в наказание за грехи.

Николай Александрович и Александра Феодоровна - совершенно очевидно - лучше нас. Их личная жизнь была примером самопожертвования и героизма; даже враги признавали в них доброту, милосердие и благородство духа. Недостатки их правления - и некоторые из них, несомненно, ускорили падение Трона, - не были следствием корыстных амбиций. Они пытались решить общечеловеческую дилемму борьбы, чтобы проложить путь через тьму истории и времени. Если порою мы не можем разобраться в движущих мотивах нашей собственной жизни, что говорить о целой нации, и, тем более, о том, что происходит в невидимом мире Царствия Духовного - благодать бесконечно милостивого Бога, злобные козни дьявола, да и наше собственное слово, которое неизвестно - убьет или исцелит.

Душа наша жаждет справедливости, которую в полной мере можно обрести лишь в вечности, и душа заставляет нас попытаться выправить земные пути, даже если наша собственная борьба за добродетель может только отдаленно отобразить сияние Божиего совершенства. Это неважно. Мы делаем, что можем. Говоря словами святителя Иоанна Златоуста, "Владыка принимает дела, и намерения приветствует, и делание почитает, и рассуждения хвалит".

Сам Бог является неведомой основой, которая остается вне нашей исторической хроники, и все повествование сводится только к действию свободной воли человека. Может быть, так лучше, и, конечно, безопаснее, потому что, если мы не признаем Всеведущего Вечного Творца, мы склонны придерживаться любимой теории, применяя действия Бога по нашему собственному "образу и подобию". Единственной честной альтернативой между непризнанием Бога, и, напротив, возложением на Него всей полноты ответственности, является принятие того, что Он Сам таинственно предопределяет, вдохновляет и попускает - акт, особенно трудный для понимания людей, которые, привыкнув быть вовлеченными в работу своих правительств, не хотят исключить своего влияния и в делах невидимого Неба.

Признание Промысла Божия в истории - удел православных христиан. Православные христиане восприняли революцию в России как наказание, которое страна навлекла на себя собственными грехами. Это было не просто осознанием тяжких последствий революции, которая, с ее жестокостью и кровопролитием, была предсказана за десятки лет русскими святыми.

В тот момент, когда Александра Феодоровна получила известие об отречении Царя, она сказала: "Это к лучшему. Бог дал нам то, что спасет Россию". Пассивный фатализм? Для светского ума - да. Но, с другой стороны, это - бескомпромиссный акт для женщины, которая видела, что жизнь ее еще не кончена, и приняла без колебания невыразимый Промысл Божий, открыто заявляя, что это Его милость.

Что можно сказать об Александре Феодоровне и ее Семье, или, скорее, что можно увидеть в них с точки зрения истории? Они хранили терпение, веру и надежду в самых чрезвычайных ситуациях. Им не суждено

было насладиться радостью и покоем безоблачной семейной жизни - гемофилия Алексея Николаевича держала их на краю трагедии. Богатство и сан давали им все возможности для дел милосердия, и они охотно несли эту ношу как необходимую обязанность свыше, и за всем этим стояла забота о благоденствии России. Те, кто сомневается в этом, не должны забывать, что у них была немалая возможность избежать смерти. Их нежелание покинуть страну привело, в конце концов, к заключению и смерти, хотя даже в заточении они благодарили Бога за то, что их не выслали насильно из страны.

Прошедшие десятилетия позволяют нам понять их жизнь как она есть, и ключ к пониманию - само Христианство, с которым они сообразовывали свои поступки. Святое Евангелие - это лишь скупое повествование о событиях, связанных с Боговоплощением. И те, которых будут почитать как величайших святых, показаны в их слабости, страхе, амбициях, сомнениях, даже в предательстве, и, как в случае апостола Павла, в убийственном недопонимании. Все становится на свои места в скупой евангельской реальности - без пространной мечтательности апокрифических текстов: человеческие ошибки апостолов, которые ни в коей мере не ослабляют их подвигов; ведь от них и не ожидалось совершенства, а только - чтобы они стойко верили в совершенство Христа. Их слабости - это наши собственные слабости, и Христос отвечает на них не иллюзорной мечтой о совершенстве на Земле, а тем, что спасает нас.

Мы не делаем из Александры Феодоровны идола, но должны воздать ей должное как праведной женщине, и простить ей и ее мужу все ошибки, о которых они скорбели в ссылке и проявить такое же благородство характера, какое они показали своим тюремщикам, веря, как верили и они, что в конце их ошибки и добродетели "все пойдут на пользу тем, кто любит Бога".

Немного времени отделяет ее жизнь от нас, и мы имеем драгоценную возможность ощутить ее переживания как наши собственные: ее ошибки отображают наши недостатки, ее добродетели - наше скрытое совершенство. Святость делает Александру Феодоровну дороже и ближе к нам - ведь через доброту ее жизни мы соприкасаемся с нашей собственной человеческой природой и устремлениями к Небу.

ГОЛГОФА ВЕЛИКИХ ЦАРСТВЕННЫХ СТРАСТОТЕРПЦЕВ

Что они думали и переживали в эти последние минуты жизни, от нас сокрыто, но сам читатель может себе дать полное представление об этой, еще небывалой, драме. Для нас, слабых духом, это кажется чем-то ужасным, кошмарным, от чего стынет в жилах кровь и замирает сердце. Отчасти проник из этого жестокого кровавого дома заключения как бы луч света, освещающий то, что переживали и думали великие страстотерпцы. Осталось не уничтоженным и чудесным образом сохраненным собственноручно написанное Великой княжной Ольгой Николаевной накануне смерти стихотворение.

Вот эта молитва-стихотворение:

“Пошли нам, Господи, терпенья
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волненья,
Когда терзают нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час!

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Своих рабов

Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

Царица Неба и земли,
Скорбящих утешенье,
Молитве грешников внемли,
В Тебе надежда и спасенье!

Погрязли мы во зле страстей,
Блуждаем в тьме порока,
Но... наша Родина! О, к ней
Склони всевидящее око.

Святая Русь! Твой светлый дом
Почти что погибает,
К Тебе, Заступница, зовем,
Иной никто из нас не знает.

О, не оставь Своих детей,
Скорбящих в упованьи,
Не отврати Своих очей
От скорби и страданья".

Какое жестокое сердце не смочит слезами эти святые строки молитвенного вопля кристально чистой девственной агницы Христовой, идущей на заклание. Она, родная, забыла все обиды и в эти последние минуты умоляет Бога за врагов своих; просит помощи, изнемогая в слабой юности своей. Она не забыла и Родины своей. Не дышат ли эти святые строки небесным воздухом любви? Не благоухают ли они ароматом святого незлобия? После этого, какой вероломный, клеветнический язык еще дерзнет не умолкнуть? Пред этим молитвенным воплем, исшедшим от избытка святого сердца юной Великомученицы, героини христианского духа, невесты Христовой, с позором да заградится и со стыдом да умолкнет всякий злоречивый язык.

Не напрасно сказано Христом: "ѡ плѡдъ ихъ познаете ихъ" (Мф. 7, 16). Здесь мы видим в лице Царственной страстотерпицы девицу, которая в юности своей приобрела великое духовное совершенство, которого не многие достигали даже из святых: при великих страданиях не приходит в малодушие и ропот - удел немногих, ибо по слову св. Иоанна Златоуста, уста в скорби, не произносящие ропота, равны устам святых мучеников.

Игумен Серафим (Путятин).

Сия цитата из книги игумена Серафима "Православный Царь-Мученик", которую Валаамское Общество Америки намеревается издать, если будет на то Божие благословение.

ССЫЛКИ

1. Буксгевден, баронесса София - "Жизнь и трагедия Императрицы Александры Феодоровны". London & New York, Longmans, Green & Co., 1928. Предисловие Дж.К.Сквайр.

2. Евсевий Кесарийский "Торжественное слово Евсевия Памфила в похвалу Императору Константину, произнесенное на тридцатилетие его Царствования". Перевод Эрнста К.Ричардсона. Избранная библиотека никейских и посленикейских Отцов Церкви. Вторая серия. Т. 1. New York, The Christian Literature Co., 1880.

3. Маргулис, Гарри. "Византийское Христианство: Император - Церковь и Запад". Detroit, Wayne State Univ. Press, 1982. С. 8.

4. Флоровский, Георгий. "Христианство и культура". Избранные сочинения, т. 2., Belmont, Massachusetts, Norland Publishing Co., 1974, С. 77.

5. Маргулис. С. 14.

6. Буксгевден. С. 8.

7. Там же. С. 11.

8. Воррес, Ян "Последняя Великая княгиня", London, Hutchinson & Co., 1964. С. 34.

9. Буксгевден. С. 38.

10. Там же. С. 50.

11. Тарсайдзе, Александр "Цари и президенты", New York, McDowell, Oblensky Inc., 1958, С. 306.

12. Воррес. С. 54.

13. Там же. С. 55.

14. Буксгевден. С. 44.

15. Вырубова, Анна "Воспоминания о Русском Дворе", New York, The MacMillan Co., 1923, С. 7.

16. Воррес. С. 65.

17. Буксгевден. С. 67-69.
18. Вырубова. С. 5.
19. Воррес. С. 62.
20. Там же. С. 62-63.
21. Буксгевден. С. 56.
22. Жильяр, Пьер "Тринадцать лет при Русском Дворе", London, Hutchinson & Co., No date, С. 72.
23. Вырубова. С. 77.
24. Буксгевден. С. 158.
25. Там же. С. 153-156.
26. Вырубова. С. 59.
27. Буксгевден. С. 45.
28. Вырубова. С. 161.
29. Буксгевден. С. 236.
30. Воррес. С. 138.
31. Николай Второй, Император "Личный дневник". Перевод А. Пьера. Paris - Payot, 1925.
32. Буксгевден. С. 132.
33. Жильяр. С. 41-43.
34. Воррес. С. 125.
35. Буксгевден. С. 126.
36. Палеолог, Морис "Воспоминания посла". Т. 1. New York, George H. Doran Co., No date, С. 14.
37. Буксгевден. Сноска на стр. 197.
38. Ден, Лили "Настоящая Царица", Boston, Little, Brown & Co., 1922, С. 62.
39. Trewin, J.C., "The House of Special Purpose", Briarcliff Manor, New York, Stein and Day, 1975, С. 54.
40. Жильяр. С. 29.
41. Буксгевден. С. 165.
42. Там же. С. 164-165.
43. Там же. С. 169.
44. Александра Феодоровна, Императрица "Письма к Царю. 1914 -1916". New York, Robert M. McBride &

Co., 1924, С. 232-233. Письмо, датированное 2 декабря 1915 года (№ 169).

45. Воррес. С. 87.

46. Александр Михайлович, Великий князь "Книга воспоминаний". New York, Garden City, 1932, С. 156-160.

47. Масси, Роберт К. "Николай и Александра". New York, Dell Publishing, 1967, С. 64.

48. Воррес. С. 85-88.

49. Браун, Татьяна и Кирилл Фитцлеон "Перед революцией", New York, Overlook Press, 1982, С. 18.

50. Там же. С. 22.

51. Буксгевден. С. 80.

52. Там же. Сноска на стр. 204.

53. Там же. С. 79.

54. Там же. С. 173-174.

55. Вырубова. С. 46-47.

56. Буксгевден. С. 113.

57. Там же. С. 180.

58. Там же. С. 159.

59. Воррес. С. 130.

60. Пайпс, Ричард "Русская революция", New York, Vintage Books, 1990, С. 25.

61. Тарсаидзе. С. 322.

62. Рига, Томас "Конституционное развитие в России" в книге "Россия под последним Царем". Minneapolis, University of Minnesota Press, 1984, С. 91.

63. Тарсаидзе. с. 311-312.

64. Пайпс, Ричард "Россия при старом режиме". New York, Charles Scribners Sons, 1974, С. 168-169.

65. Там же. С. 13.

66. Браун. С. 33.

67. Тарсаидзе. С. 323.

68. Браун. С. 53.

69. Там же. С. 56-58.

70. Парес, Бернард "Россия и реформы". London Constable, 1907, С. 550-551.
71. Масси. С. 221.
72. Парес, Бернард "Падение Русской Монархии" New York, Vintage Books, 1961, С. 118.
73. Палеолог. Т. 1. С. 45.
74. Там же. С. 50.
75. Вырубова. С. 108-109.
76. Буксгевден. С. 192.
77. Там же. С. 204.
78. Черчилль, Уинстон С. "Мировой кризис". New York, Scribner, 1931, С. 695-697.
79. Николай Второй, Император "Письма к Царице". New York, Dodd, Mead, 1929, С. 264.
80. Там же. С. 289.
81. Воррес. С. 131.
82. Там же. С. 133.
83. Фурман, Иосиф Т. "Распутин: жизнь". New York, Praeger, 1990, С. 213.
84. Воррес. С. 139.
85. Там же. С. 140.
86. Распутина, Мария "Мой отец". London, Cassell Publications, 1934, С. 41-42. Не следует путать с последующей книгой "Распутин, человек за мифом". Это публичное разоблачение написано в 1977 году предположительно Марией Григорьевной Распутиной и Патти Барнам, рассказывает о многом, что противоречит ранее написанному Марией Григорьевной и приводит читателей к выводу о том, что ее соавтор добавил многое вольно.
87. Буксгевден. С. 175.
88. Там же. С. 144.
89. Илиодор (Труфанов, Сергей) Статьи из New York Herald Tribune, July 5, 1933 and Time Magazine, Feb. 11, 1952.

90. Ден. С. 107.
91. Распутина. С. 93.
92. Шелли, Жерард "Пестрые купола". New York, Charles Scribners Sons, 1925, С. 49.
93. Анастасий, митрополит "Святая новомученица Великая княгиня Елизавета Феодоровна" в журнале "Orthodox Life". Т. 31. № 5. Сентябрь-октябрь 1981. С. 11.
94. Бэттс, Ричард (Фома) и Марченко, Вячеслав "Духовник Царской Семьи". Москва, 1994.
95. Воейков В.Н. цитированная в Фурман. Сноска на стр 232.
96. Радзивилл, княгиня Екатерина, цитированная в: Распутина Мария Григорьевна. С. 75.
97. Ден. С. 113-116.
98. Вырубова. С. 182-183.
99. Палеолог. Т. 1. С. 292.
100. Воррес. С. 141.
101. Николай Второй. С. 256-257.
102. Буксгевден. С. 231-232.
103 Жильяр. С. 188-189.
104. Вырубова. С. 132.
105. Буксгевден. С. 224.
106. Ден. С. 92.
107. Жильяр. С. 170.
108. Там же. С. 196-197.
109. Там же. С. 191.
110. Ден. С. 165.
111. Буксгевден. С. 292.
112. Ден. С. 185-186.
113. Буксгевден. С. 267.
114. Бьюкенен, Джордж "Моя миссия в России", New York, Cassell, 1923, Т. 11, С. 86.
115. Буксгевден. С. 282.
116. Там же. С. 300-301.

117. Гиббс. См.: Trewin, J.C., "The House of Special Purpose", Briarcliff Manor, New York, Stein and Day, 1975. С. 82.

118. Жильяр. С. 244.

119. Гиббс. С. 102.

120. Жильяр. С. 243.

121. Вырубова. С. 336.

122. Там же. С. 313.

123. Ден. С. 239.

124. Буксгевден. С. 223.

125. Там же.

126. Ольга Николаевна,цитированная в: "Orthodox Word", № 153. 1990. С. 213.

127. Якимов, Анатолий в кн. Роберта Вильтона "Последние дни Романовых". London, Thornton Butterworth, 1920, С. 274-275.

128. Пайпс, Ричард "Русская революция". Vintage Books, New York, 1990, С. 770.

129. Масси, Сюзанна "Земля Феникса. Красота старой России", New York, Simon and Shuster, 1980, С. 23.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Alexander, Grand Duke, *Once a Grand Duke*, New York, Garden City, 1932.
2. Alexandra, Empress, *Letters of the Tsaritsa to the Tsar*, 1914-1916, New York, Robert M. McBride and Co., 1924.
3. Betts, Richard & Marchenko, V., *Theophan of Poltava: Confessor of the Russian Royal Family*, English translation soon to be published, 1994.
4. Brown, Tatiana & Kyril Fitzlyon, *Before the Revolution*, New York, Overlook Press, 1982.
5. Buchanan, George, *My Mission to Russia*, New York, Cassell, 1923, Vol. II.
6. Buxhoeveden, Baroness Sophie, *The Life and Tragedy of Empress Alexandra Feodorovna*, London and New York, Longmans, Green & Co., 1928, Forward by J.C. Squire.
7. Churchill, Winson S., *The World Crisis*, New York, Scribner, 1931.
8. Dehn, Lili, *The Real Tsaritsa*, Boston, Little, Brown & Co., 1922.
9. Eusebius of Caesarea, *The Oration of Eusebius Pamphilus, In Praise of the Emperor Constantine: Pronounced on the Thirtieth Anniversary of His Reign*, transl. Ernest C. Richardson. A Select Library of Nicene and Post-Nicene Fathers of the Church. Second Series, Vol. I, The Christian Literature Co., New York, 1880.
10. Fuhrmann, Joseph T., *Rasputin, A Life*, New York, Praeger, 1990.
11. Gilliard, Pierre, *Thirteen Years at the Russian Court*, London, Hutchinson & Co., No Date.
12. Ignatieff, Michael, *The Russian Album*, New York, Viking Penguin Inc., 1987.

13. Margoulis, Harry, *Byzantine Christianity: Emperor, Church and the West*, Wayne State University Press, Detroit, 1982.
14. Massie, Robert K., *Nicholas and Alexandra*, New York, Dell Publishing, 1967.
15. Nicholas II, Emperor, *Journal Intime*, trans. A. Pierre, Paris, Payot.
16. Nicholas II, Emperor, *Letters of the Tsar to the Tsaritsa*, New York, Dodd, Mead, 1929.
17. Paleologue, Maurice, *An Ambassador's Memoirs*, Vol. I, New York, George H. Doran Co., No Date.
18. Pares, Bernard, *Russia and Reform*, London Constable, 1907.
19. Pares, Bernard, *The Fall of the Russian Monarchy*, New York, Vintage Books, 1961.
20. Pipes, Richard, *Russia Under the Old Regime*, New York, Charles Scribner's Sons, 1974.
21. Pipes, Richard, *The Russian Revolution*, Vintage Books, New York, 1990.
22. Rasputin, Maria, *My Father*, London, Cassell Publications, 1934.
23. Riha, Thomas, *Constitutional Development in Russia Under the Last Tsar*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1984.
24. Shelley, Gerard, *The Speckled Domes*, New York, Charles Scribner's Sons, 1925.
25. Tarsaidze, Alexandre, *Czars and Presidents*, New York, McDowell, Oblensky Inc., 1958.
26. Trewin, J.C., *The House of Special Purpose*, Briarcliff Manor, New York, Stein and Day, 1975.
27. Vyroubova Anna, *Memories of the Russian Court*, The MacMillan Co., New York, 1923.
28. Vorres, Ian, *The Last Grand Duchess*, London, Hutchinson and Co., 1964.
29. Yakimov, Anatoly, in Wilton, Robert, *The Last Days of the Romanovs*, London, Thornton Butterworth, 1920.

Средь злобы мира верные сердца
Спасение в страданиях прияли
И в Царствие Небесного Отца
Прошли путем смиренья и печали.
Да, было.

Так ветрами гонимая волна
Мятется, ожиданьями полна...
Как вдруг страстей утишатся теченья,
И даром свыше снизойдет покой,
И Солнце Правды *светом невечерним*
Все высветлит во славе неземной.

Руперт Бруке,
английский поэт начала XX века.
Перевод Вячеслава Марченко.

Содержание

Введение
Александра Феодоровна Романова
и Христианская Монархия 7

Глава I.
Из Дармштадта в Санкт-Петербург. 27
Глава II.
Семейная жизнь. 43
Глава III.
Благотворительность
Александры Феодоровны 69
Глава IV.
Последнее царствование
Романовых 80
Глава V.
Великая война 97
Глава VI.
Императрица и Распутин 109
Глава VII.
Десница Господня 131

Послесловие 154

Ссылки 166

Библиография 172

Автор, матушка Нектария, православная монахиня скита блаженной Ксении Петербургской в Северной Калифорнии.

Перевод с английского
Тамара Оводова

Редактор русского текста
Вячеслав Марченко

Консультанты
Ричард (Фома) Бэттс,
Владимир Легойда

Корректор
Татьяна Фролова-Багреева

Оператор верстки
Дмитрий Родионов

Возлюбленные читатели!
Помяните в своих молитвах о здравии тех, кто потрудился над этой книгой
Просим также ваших сугубых молитв о рабе Божией Елизавете, много помогающей Российскому Отделению Валаамского Общества Америки

Отпечатано в ИПК «Московская правда»
Москва, ул. 1905 года, д. 7.
З. 3119 Т. 15000

© 1996 Издательский отдел Валаамского Общества Америки в России.

Монахиня Нектария (Мак Лиз)

СВЕТ НЕВЕЧЕРНИЙ

Я видел лилию, плавающую в черной болотной воде. Все вокруг прогнило, а лилия оставалась чистой, как ангельские одежды. В темном пруду появилась рябь, она покачивала лилию, но ни пятнышка не появилось на ней.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Библиотека
журиала
"Русскій Паломникъ"